

Полина КАПШЕЕВА

МОЁ ЗАЗФИРЬЕ

Москва
2016

Полина КАПШЕЕВА

МОЁ ЗАЭФИРЬЕ

Зарисовки, наблюдения, новеллы

Москва
Издательский Дом СТМЭГИ
2016

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
К20

Капшеева П.

К20 Моё зазфирье : зарисовки, наблюдения, новеллы /
Полина Капшеева. – Москва, 2016. – 240 с. : ил.

«Моё Зазфирье» – новая книга известной израильской радиожурналистки Полины Капшеевой (Лиоры Ган). Герои ее искрометных зарисовок – З. Гердт, А. Бовин, Е. Евтушенко, А. Алексин, В. Жириновский, М. Жванецкий, М. Вильнер, М. Козаков, В. Никулин, О. Басилашвили, Г. Хазанов, К. Новикова, Н. Михалков, А. Дементьев, В. Берковский, А. Дольский, В. Толкунова, Е. Весник, И. Костолевский, А. Чумак, Р. Виктюк и многие другие. Все они описаны через призму общения с автором, сюжетные повороты неожиданны и, как правило, комичны. В книгу также вошли несколько рассказов и смешных историй, произошедших за эфиром государственного израильского радио РЭКА на русском языке.

Естественно, обращают на себя внимание хулиганские иллюстрации Анат Ор Лев. Предисловие написано чрезвычайным и полномочным послом Израиля в России госпожой Дорит Голендер, а идея издания принадлежит Екатерине Юрьевне Гениевой, генеральному директору Всероссийской библиотеки иностранной литературы имени Рудомино.

Книга издана в рамках проекта «Русское слово в Израиле».

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Полина Капшеева (Лиора Ган), 1990–2016
© Анат Ор Лев, дизайн обложки, иллюстрации, 2014
© Нисан Канас, фото на обложке, 2009
© Издательский Дом СТМЭГИ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Дорит Голендер ПРЕДИСЛОВИЕ	9
КРЕДО (вместо вступления)	14
«Я РИСУЮ, Я ТЕБЯ РИСУЮ, Я ТЕБЯ РИСУЮ, СИДЯ У ОКНА...»	
«Шагрир Саша»	19
Фестиваль юмора	28
«За сбычу мечт!»	32
Призрак бродит по Израилю	37
«А книгу подписал?»	41
Миллион за сапоги	45
Пьеса «НАРИСОВАНЫ АКТЕРЫ, МУЗЫКАНТЫ И ТАНЦОРЫ»	
Акт 1	
«Поздравляю, гражданин!..»	51
Часть первая. Давняя	51
Часть вторая. Год 1994	54
Часть третья. Наши дни	55
Синатре не звоним	57
«То плачут березы, то плачут березы»	60

«А под окном – то дождь, то снег»	63
Антракт	
О неприжившихся в Израиле	
Сюжет первый	66
Сюжет второй	70
Акт 2	
«Не дай мне Бог любви креста!»	72
«Под музыку Вивальди»	74
Запах розы	77
Сеня придет?	79
Антракт	
О вреде черного кофе.	82
Эпизод первый.	
Несостоявшаяся беседа с Басиком.	83
Эпизод второй.	
«И мастерство, и вдохновенье...»	85
Акт 3	
«На бумаге паузы не обозначишь»	90
«Тише, русская!»	96
«Зачем продукт портить?»	102
Хазанов – у ног	105
«Ни слуха, ни голоса»	107
Мир в розовом цвете	111
О, необыкновенный Гердт!	114
Душевный разговор	120
Легко ли быть арабом?	122
«День рожденья зайчика»	125

РАДИОПЕРЕБИВКИ

(Как сладостно молчать в прямом эфире!)

Год в стране	131
Ливни с градом.	134
За милых дам!	136
Гламур	137
Курица или яйцо?	139
«Люди и звезды»	141
Вся даль – в миг	145
Замыкая круг	147

«А ПОТОМ УЖ ПРО МЕНЯ – В ЧАСТИ «РАЗНОЕ»

Мания величия.	153
«Дура ле вита»?	
(«Жизнь тяжела» – итальянский. – П.К.)	156
Свидание в Самаре	159
Доброжелательное равнодушие Нидерландов (ночные письма к самарской подруге)	
Письмо первое	161
Письмо второе	162
Письмо третье	165
Письмо четвертое.	167
Письмо пятое	169
Письмо шестое	170
Письмо седьмое	172
Письма самарскому другу	175
Кандидатский минимум	178
К вопросу о таланте	180

Идет милиционер по парку	182
«Здравствуйте, девочки!»	184
«Шо вы делаете?» (продолжение)	185
Опыт вранья 1.	187
Опыт вранья 2.	188
Мафия бессмертна	190
Обстоятельность или элегантность?	191
Кто вяжет веники?	194
Ноев ковчег	196
В стране магнолий плещет море	199
Второй раз – в виде фарса?	201
Однажды в Америке	204
Ленин всегда живой?	206

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Баба Белла	211
«Господи Исусе-Христесечки!»	217
Лариска и морские гады (гастрономическое хулиганство)	221
Зеленый луч	227

ЭПИЛОГ

Не счесть алмазов... ..	237
-------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приходит время, дорогой читатель, открыть книгу Лиоры Ган «Моё заэфирье». Едва приступив к чтению, понимаю, что блистательная Лиора совершила невероятное: она настроила струны радиоволн на лирический лад так, что хочется улыбаться и вместе с ней напевать мелодии ее воспоминаний.

«Моё заэфирье» – это коллекция историй о беседах с созвездием всем известных замечательных личностей, встречи с которыми подарила судьба израильской журналистке Лиоре-Полине Ган-Пистолетовой-Капшечевой. Почему у автора столь затейливые имя и фамилия, вы узнаете, прочитав книгу.

Легкий, веселый нрав Лиоры притягивает людей, с ней всем интересно и всегда приятно общаться. Лиора щедро наделена талантом, остроумием и чувством юмора, обаянием и радиовкусом. Она тонко чувствует характеры и настроения собеседников, неизменно точна в деталях, любит и умеет не только расспрашивать, но и рассказывать.

Именно поэтому все ее радиопередачи и книги действуют на людей как лекарство, которым энергичная Лиора охотно делится с читателями и слушателями, передавая им заряд оптимизма и жизнелюбия.

Бывают такие «популярные» издания, которые стараешься побыстрее дочитать до конца, чтобы узнать, чем же там всё закончилось. «Моё заэфирье» хочется смаковать и тянуть маленькими глоточками, как хороший коньяк...

Я уверена, что читатели в этом убедятся сами.

Dorit Golender
Ambassador
Moscow

*ПАМЯТИ
Екатерины Юрьевны Гениевой*

БЛАГОДАРНОСТЬ

*Давиду Мордехаеву, Эстер Альпериной-Свердловой,
Татьяне Яцюк и всем, кто подарил мне
сюжеты для этой книги.*

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

*Фонду СТМЭГИ и его президенту Герману Захарьяеву
за то, что они открыли мне мир горских евреев –
удивительных, щедрых и красивых людей.*

Многолетняя работа на радио и в газетах, три сборника интервью – уморительные курьезы и забавные истории, которые остались за кадром, off the record, за кулисами, ЗА ЭФИРОМ. В общем, с названием книги определились. Но любой письменной продукции, как и радиопередаче, недостает красок. Попробуем раскрасить, разрисовать воспоминания? Необходимо добавить: я нежно люблю всех своих героев.

Как сказала Римма Казакова:

«Ты меня любишь, лепишь, творишь, малюешь!»

Поехали? Пристегните ремни!

And Or Len ©

КРЕДО **(вместо вступления)**

В прошлом веке, году в семьдесят шестом, мы с мамой поехали в Москву – походить по театрам. Стояла холодная зима, было ветрено и промозгло. Выходить из теплой квартиры не хотелось, но манили спектакли. У меня, почти профессионального «стреляльщика» лишних билетов, имелась униформа: толстые красные (штопаные черными нитками – под джинсами не видно) колготки,

собственно джинсы, сапоги, свитер, шуба, теплая бордовая в цветах шаль. До спектакля – часа два с половиной; пора на промысел. Мечусь по квартире в поисках «театральных» колгот – не нахожу. Чертыхаясь, распечатаваю новую пару (на выход!), натягиваю, сверху – джинсы-сапоги-свитер-шуба-шаль. Благополучно «отстреливаю» два билета в Ленком на Янковского (исполняет роль актера, исполняющего роль В.И. Ленина в спектакле по пьесе М. Шатрова «Синие кони на красной траве»). Появляется мама; занимаем вполне пристойные места в партере. Антракт. Как водится, гуляем в фойе, рассматриваем портреты актеров театра. Ловлю на себе пристальные взгляды, приосаниваюсь, выпрямляю спину. В какой-то момент нахожу, что взгляды, при всей моей неземной красоте, уж больно пристальны. «Мама, – говорю, – я отойду, а ты меня осмотри». Отхожу, ищу глазами маму и нахожу не сразу: буквально сползая по стене, она хохочет на корточках. Подбираюсь к зеркалу... Зацепившись внутри за джинсы, павлиньим хвостом, королевским шлейфом за мной гордо волочатся красные штопаные колготки. С тех пор в минуты самовосторга оглядываюсь. Или – подхожу к зеркалу.

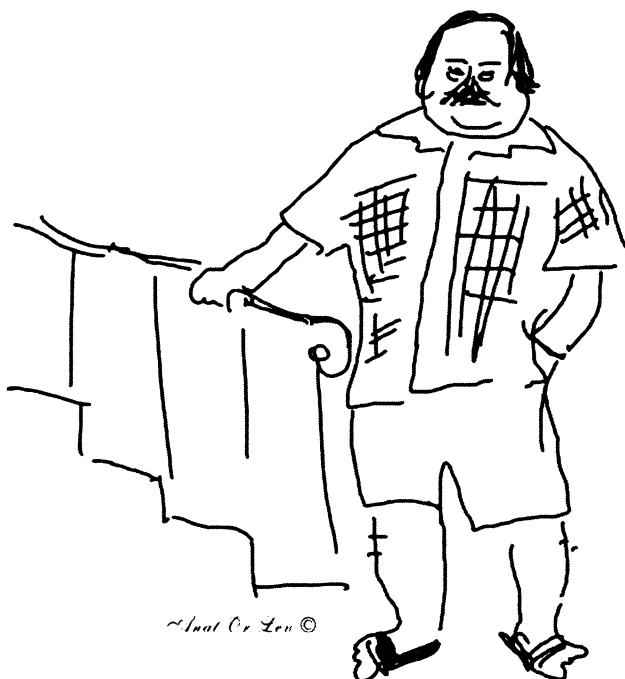
А СЕЙЧАС – РАСКРАСКИ.

**«Я РИСУЮ, Я ТЕБЯ РИСУЮ,
Я ТЕБЯ РИСУЮ,
СИДЯ У ОКНА...»**

«ШАГРИР САША»

Благодарю Судьбу, что свела меня с Александром Бовиным – после восстановления дипломатических отношений первым и последним советским (в течение недели), первым российским (в течение пяти с половиной лет) послом в Израиле.

Давным-давно, в прошлом столетии, мы с издателем юмористической газеты Марком Галесником проводили в Израиле Международный фестиваль юмора. Приехали российские юмористы, присоединились наши, все были молоды, все были живы. Закрытие фестиваля бурно отпраздновали в резиденции посла. Шло время, Бовина сменили. Он написал книжку «Записки ненастоящего посла». Читаю: *«В октябре 1994 состоялся фестиваль «Вокруг смеха». Организатор – неутомимый Марк Галесник, держатель и издатель юмористического журнала «Бесэдер?». Смехачи все наши (А. Иванов, И. Иртеньев, В. Вишневский, В. Шендерович, Е. Шифрин) и уже ихний, но непременно Губерман. Стартовал фестиваль в Бе-эр-Шеве. Из газеты: «Открывали вечер очаровательная*

Лиора Ган и ее потрясающие ноги, о которых г-н Бовин в перерыве мне скажет: «Из всего того, что я видел в первом отделении, особенно взволновали меня ноги ведущей». Фестиваль закрывался в Савьоне. Поскольку публики не было, все смеялись сами над собой. Лиора Ган (она же – гражданка Пистолетова) обнажила не только ноги и прыгнула в бассейн. Желющие спасти образовали очередь». Издательство «Захаров», 2004.

Лиора Ган (она же – гражданка Пистолетова, по паспорту – Полина Капшеева, в девичестве – Коган) – это я. Работаю на израильской государственной радиостанции, говорящей по-русски. Еще в 1950-каком-то году ведущим русского отдела израильского радио было велено взять псевдонимы: вещали на Союз, звали евреев в Израиль, у советских родственников-однофамильцев могли возникнуть проблемы. Я попала на радио в 1991-м, когда все эти сионистские формальности актуальность потеряли. Из чисто эстетических соображений я обрезала (у евреев, кстати, принято) девичью фамилию Коган, но ПолиНА ГАН – слишком воинственно, посему я стала Лиорой. «Лиора» на иврите – «мне свет», «Ган» – «сад». Такая апельсиновая рощица, еще более оранжевая от солнечного света... От израильской военщины тем не менее далеко уйти не удалось.

Пригласила Бовина в развлекательную программу «Подвал». Явился в павлиньей сине-бирюзовой «ковбойке» навыпуск, в сандалиях; ворча («коленки плохо сгибаются!») поднялся по лестнице. Прямой эфир. «Александр Евгеньевич, как чувствует себя посол великой державы, спустившись в «Подвал»?» – «Гражданка Пистолетова, я в ваш «Подвал» алию (восхождение – *ивр.*) совершил» – «?» – «Во-первых, я не спускался, а поднимался, а у вас здесь крутые ступеньки. Во-вторых, «ган» только на иврите – «сад», на английском же – «ружье». Так что вы – гражданка Пистолетова».

А банкет, о котором писал Бовин, состоялся в его резиденции в Савьоне – это такой городок с резиденциями послов и других – очень богатых – людей. Дорогая «спальня» Тель-Авива, тихое зеленое место, между домами – большие расстояния: там, в отличие от других израильских городов, землю не экономят...

За года полтора до описываемых событий я ехала автобусом в Тель-Авив брать интервью у Бовина. Автобус, как водится, застрял в пробке, сотовых телефонов еще не было. Выскочив на нужной остановке, мчусь к телефонной будке: «Александр Евгеньевич, извините, опаздываю минут на пять». – «Я – уже на месте и вас жду. Почему вы цените свое время больше моего? Если вашу страну что-то приведет к краху, это будет всеобщее разгильдяйство. Запомните». Я запомнила.

Итак, везу артистов из Иерусалима в Савьон. Наш автобус – моими молитвами – прибыл ровно на час раньше времени. Деваться было некуда, пришлось гулять по городку взад-вперед. Каково же было удивление «простых» савьонцев, выводящих на прогулки породистых псов, при встрече с толпой, громко галдящей по-русски!

Бовин называл себя «ненастоящим послом», но, думаю, немного кокетничал. В то время, когда отношения между нашими странами только налаживались, Союзу – России нужен был именно такой посол – человек, вызывающий всеобщую любовь. Закончилась его каденция, отшумели бурные проводы, Бовин уехал.

Вскоре приехал и дал интервью нашим «русским» СМИ. И вдруг – цитирую:

«Вот, скажем, если Лиору Ган, «гражданку Пистолетову», как я ее называю, сделать министром радио и телевидения... Прекрасный была бы министр».

Александр Бовин, газета «Вести», «В Израиле всё будет хорошо», 23 июля 2001.

«Ну, – говорит, – Пистолетова, как я вас пропиарил?»

Он немного понимал на иврите. Однажды ехал с друзьями с неформального мероприятия, превысили скорость, машину с дипломатическими номерами остановил полицейский. Попутчики Бовина владели ивритом, но он перехватил инициативу: «Ани – шагрир, ани – шагрир» («Я – посол» – *ивр.*). Полицейский отпустил без штрафа. С тех пор Бовин представлялся мне по телефону: «Говорит шагрир Саша».

В 1996 году состоялась презентация моей книги «Обнаженная натура». Мы с дочкой каждому гостю придумали подарки. Бовину – детские джинсовые шорты (он всё жаловался, что супруга запрещает шорты надевать, поэтому кожа не дышит). Песню сочинил брат, Семен Коган (на мотив «Товарищ Время»):

*Я часто вспоминаю эту пору,
Когда мой друг, всегда немногословен,
Мне прокричал почти по «Ревизору»:
«К нам едет Бовин! К нам едет Бовин!»
В посольство к вам идут потоком люди.*

*И, я уверен, это не случайно:
Все дело в том, что мы вас просто любим.
Не полномочно, но чрезвычайно.
Давайте ж церемонии отбросим,
Давайте протокол отправим к чёрту!
Дышите полной грудью, мы вас просим.
Товарищ Бовин, наденьте шорты!*

А Александр Евгеньевич тоже заготовил стихи на выход моей книжки:

*Лиора – мастер обнажать,
Затем – нажать, прижать, дожать,
Чтоб выжать всё.*

И выжимает...

*За что деньжата получает.
Увы! Я как-то зазевался,
В сеть Пистолетовой попался.
Был обнажен,
Допрошен,
Выжат как лимон.*

*С тех пор пошел иной отсчет –
Хочу, чтоб всё наоборот.*

Но сколько можно маяться?

Она не обнажается.

Или – скромная девица,

Или – критики боится.

Или – очень уж я стар,

Иль – не нравится мой дар.

*Но молчит Лиора Ган,
А в руке ее – наган.*

Я взяла у Бовина несколько интервью. Отрывок из одного процитирую:

– Вы раскрыли секрет вашего здоровья: нужно хорошо закусывать и нельзя опохмеляться...

– Да, так было раньше. Теперь же почти не пью, так что и закусывать незачем. А вот опохмеляться действительно не приходилось никогда. Ну, компотику с удовольствием мог выпить, кваску, молочка холодного – это пожалуйста.

– В новогодней радиопрограмме вы поделились с израильскими радиослушателями собственным рецептом холодца из – страшно сказать! – свиных ножек. Что за цинизм?

– Минуточку, я в эти игры не играю: к религии никакого отношения не имею. Нет у меня контактов с Богом, и прошу меня в это не впутывать. Не хочет человек есть свинину – его личное дело. Конечно, если буду принимать религиозных гостей, то некошерными блюдами их угощать не стану: законы гостеприимства – дело святое. А холодец я люблю... И, уверяю вас, те, кто слушал по радио мои гастрономические откровения, таки ничего против не имеют...

– Да поделитесь же, в конце концов, рецептом!

– Ничего особо сложного. Берешь ножки, моешь, опаливаешь над газом, кладешь в кастрюлю, ставишь на

огонь... Они долго и нудно там булькают. Когда уже отделяются косточки, я всё это вываливаю, косточки убираю, а остальное крошу-крошу-крошу... Потом в специально предназначенный противень кладу слой вот этих – страшно сказать! – ножек, подливаю немножко водички, сверху кладу кусочки лимончика, крутого яйца, посыпаю укропом и чесноком; солю, перчу. Даю застыть – и только после этого кладу еще один слой. Таких слоев может быть столько, насколько хватит терпения. А дальше наступает Новый год... Петровна моя часов в одиннадцать отправляется спать, а я ставлю перед собой этот противень и шампанское. Смотрю по телевизору всякую муру, выпиваю две бутылки и съедаю сколько могу холодца. Прямо из противня. Возясь с этим блюдом, я никуда не спешу: для меня важно предвкушение ощущений. Таким образом, сам себе доставляю удовольствие.

Смотрела телепередачу, где Бовин показывал «авоську», в которой деньги носит (кошельки не любит). Еще он там прихвастнул: «Я – катастрофически здоровый человек!» Тут же перезвонила в Москву: «Саша Евгеньевич, нельзя говорить такие вещи!» – «Оставьте, Пистолетова, я – материалист!»

29 апреля 2004 года его не стало. Именно мне выпала доля (миссия?) объявить израильским слушателям об этом таком раннем уходе в своей радиопрограмме.

Каждый год 9 августа, в день рождения Александра Евгеньевича, звоню вдове, Лене Петровне. Иногда дозваниваюсь, чаще – нет: она, как большинство москвичей, в это время уезжает на дачу. Фрукты-овощи на зиму заготавливает.

ФЕСТИВАЛЬ ЮМОРА

Еще немного – о фестивале «Вокруг смеха». Отправились мы со звукооператором москвичей встречать. Первым выходит Иванов. Длинный, тонкий, прямой как карандаш, голова в облаке тонет (в ноябре и у нас дожди бывают). «Добро пожаловать, Сан Саныч! Какое первое чувство вы испытали, ступив на израильскую землю?» – «Чувство сожаления: Клару Новикову не пустили». А «тетя Соня» – гвоздь фестиваля. Ну, думаю, шутит Иванов. По привычке. Подходит Семен Фарада. Майка сиреневая (опять же в ноябре), камера через плечо. Уно, словом, момент. «Семен, как настроение?» – «Отвратительное: Клару ваши не пустили». Уже не смешно. Тут и Шендерович в легкомысленных бежевых бриджах – та же песня... Новикова, как выяснилось, действительно не приехала: какая-то путаница с иностранным паспортом произошла. И открытие фестиваля в Беэр-Шеве состоялось без нее. Пока шло выступление, Бовин за кулисами нажимал по телефону на какие-то только ему известные рычаги и наконец сообщил: на рассвете нужно встретить самолет.

После концерта все ужинали в ресторане, дальше мы с Галесником и его женой Леной привезли артистов в гостиницу в Иерусалим и прямиком отправились в аэропорт. Благополучно встретили Клару – роскошную, в немыслимом чем-то длинном, черном, в полоску и клетку.

А последнее из пяти фестивальных выступлений состоялось в Иерусалиме. Свои обязанности пресс-секретаря и конференсье я совмещала с должностью цепного пса:

объявляя выступающих, буквально стаскивала со сцены предыдущего и выпускала следующего, ропщущего на своего предварительно разговарившегося коллегу. Как только очередной оказывался на сцене, он забывал с нее уйти. Концерт затянулся. Последней выступала Клара Новикова. Спустилась в зал, облюбовала мужичка, вывела на сцену: «Милый, давай говорить друг другу хорошие слова!» Уложила его на предварительно расстеленную на сцене простыню, улеглась рядом. Действо – в разгаре, ко мне за кулисами подходит местный работник, предупреждает на иврите: «Ваше время истекло, нужно закрывать зал. Через пять минут выключаю свет и вырубая звук». Начинаю объяснять: знаменитая актриса, зрители любят – ничего не помогает. Выскакиваю на сцену:

«Кларочка, закругляйся, сейчас выключат свет». – «Лирочка, зачем нам свет? В темноте даже лучше. Ложись с нами!» Ложусь. «И звук сейчас отключат». А Клара – в образе: «И звук нам ни к чему».

И в кромешной тьме без микрофона объявляю закрытие Международного фестиваля юмора...

«ЗА СБЫЧУ МЕЧТ!»

Владимиру Вольфовичу мешают камеры. Дело не только в том, что именно перед ними он поливает оппонентов апельсиновым соком или оттаскивает за волосы. Дело еще в том, что господина Жириновского камеры портят. В жизни он – красавец. Глаза – не просто синие или голубые, глаза ярко-василькового цвета. Никакие камеры этот оттенок передать не могут. А какая у него одежда, обувь!.. Впрочем, обо всём – по порядку.

В качестве собеседников меня никогда не привлекали политические деятели. Было одно исключение: мечтала поговорить с Жириновским. И тут – радость: он приезжает в Израиль. Мечта сбывается! Какие-то русские люди, приехавшие на период выборов из Испании, решили создать у нас, в Израиле, партию по образу и подобию ЛДПР. Кого же пригласить зазывалой? Конечно его! Он, очевидцы рассказывали, здесь у предвыборных штабов доллары разбрасывал, потом – наши кровные шекели, дальше, вероятно, дело до рублей дошло...

Сообщают время и место пресс-конференции. А я эти мероприятия жутко не люблю: предпочитаю гулять сама по себе. Тем не менее нацепляю короткую юбку, выбираю самую длинную курительную трубку, книжку свою – под мышку. Отправляюсь на пресс-конференцию. Телохрани-телей больше, чем журналистов. «Кто, – говорю, – тут до-пускает к телу?» Отзывается Алексей Митрофанов. Я ему в нос дымом попыхиваю и объясняю, книжку предъявив, что следующая без «папы» выйти просто не может. А она

уже, рассказываю, – в наборе. Митрофанов кивает и обещает интервью с Жириновским обеспечить. Сую визитку, книгу, еще раз выпускаю на прощанье табачный дым и эффектно ухожу.

Первый телефонный звонок раздался в два часа ночи. От Митрофанова. «Мы только что вернулись. Было много встреч. Можете приехать в гостиницу?» Объясняю, что – замужем и вообще не шляюсь по ночам и по гостиницам. Договариваемся созвониться в другое время.

Митрофанов оказался крайне верен своему слову... В последний раз меня выдернули из прямого эфира: «Звонят от Жириновского». Свидание назначили там же, в гостинице, но в нормальное время – в полдень. Памятуя пресловутый апельсиновый сок, беру с собой «фотографа» – приятеля-боксера.

Владимир Вольфович – душка. Нарядная белая сорочка из прекрасной ткани, хороший костюм, дорогие мягкие туфли. Никакой агрессии: нежное и пушистое чудо. Правда, времени, говорит, у него в обрез: спешит на самолет, дабы встретиться с Ясиром Арафатом.

Он, конечно же, заболтался. Бритоголовые охранники буквально отрывали нас друг от друга. Ниже – просто выдержки из того интервью. Без комментариев.

«Как ни жалко мне было, когда мать умерла, но одновременно я испытал и какое-то облегчение: надо мной никого нет. Пока она жила, я испытывал сильную моральную ответственность: понимал, что мои неуспехи

отражаются на ней. А сейчас сам даю себе оценку, один я знаю: успех-неуспех. Поэтому детям легче без родителей. Выгодно: родители опекают, спрашивают, контролируют, мешают. Я стараюсь своим детям не мешать, но прекрасно понимаю, что они морально ко мне привязаны. Могу оценить их плохо, а это им неприятно. Кто еще имеет право их ценить? Только родители».

Еще:

«В конкурсе красоты побеждает красивая девушка – она одна. Так и мне улыбнулась удача: я достиг большего успеха, чем все остальные. Демократы, как обезьяны, взяли пример с Запада, а я – самородок, поэтому и большего успеха достиг. Легче верить тому, кто сам что-то делает. «Кто у вас имиджмейкер?» – спрашивают. Да никакого имиджмейкера, я – сам! Кому-то подтяжки цепляют, манеру говорить режиссируют, руку поднимать... Человек, выступая, вспоминает советы и пытается это изобразить – фальшь, не то. А у меня – всё мое! Наслаждаюсь тем, что миллионы людей знают меня. Плачут, когда я говорю, смеются – как пожелаю. На «Голубой огонёк» зовут! Я могу без них, а журналисты без меня не могут. Согласен, что они тоже нужны: журналисты, избиратели, люди. Но не я их зову, а они меня. Они на меня внимание обратили, а не я на них, они за меня голосовали, а не я за них. То есть я всё равно в стороне и над ними. Я ждал этого сорок лет. Попробуйте сорок лет

мучиться, думать об этом, а час придет – вам еще удача нужна».

И – последнее:

«Хочется иметь хороший дом у моря, машины – я не аскет, который может довольствоваться кусочком хлеба и железной кроватью. Мебель люблю менять, каждый год менял бы жену, мебель, машину, квартиру. Новый год, заезжаешь в новый дом – там новая мебель, новая женщина... Какие женщины? Разные. Черные, желтые, европейки – под цвет мебели, как угодно. Собаки тоже пускай будут разные, но не рядом – не люблю, а во дворе. У меня есть свинья, лошадь была, медведи, индюк, гусь, утка, куры, козы...»

Обещала воздержаться от комментариев, но как тут утерпеть? Вив ля Жириновский! Дали занавес, погасли свечи, зал опустел. Снята маска клоуна. А под маской... Какие же у него глаза!.. Василькового цвета.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ИЗРАИЛЮ

Собираемся в Израиль. Папа, заведующий кафедрой философии университета профессор Коган, понятно, отправился в обком партии – сдавать партбилет. Секретарь обкома огорошил: «Абрам Бенционович, может, вы возьмете билет с собой? Станете в Израиле на партучет. Бывший генеральный секретарь КПИ – наш большой друг, товарищ Меир Вильнер. Можем посодействовать». Мы очень смеялись...

Уже работая на радио, вдруг подумала: хорошо бы разыскать этого персонального пенсионера. Поступила просто: позвонила в справочную и спросила: «Вильнер Меир, Тель-Авив». Через мгновение получила номер телефона, по которому тут же и позвонила. «Журналистка? Русское государственное радио? Приезжайте – записывайте адрес». Старый дом рядом с морем, цены на жилье там неподъемные. Небольшая чистенькая квартира, одинокий пожилой жилец, аккуратно одетый в чистое серенькое одеяние. Беседуем:

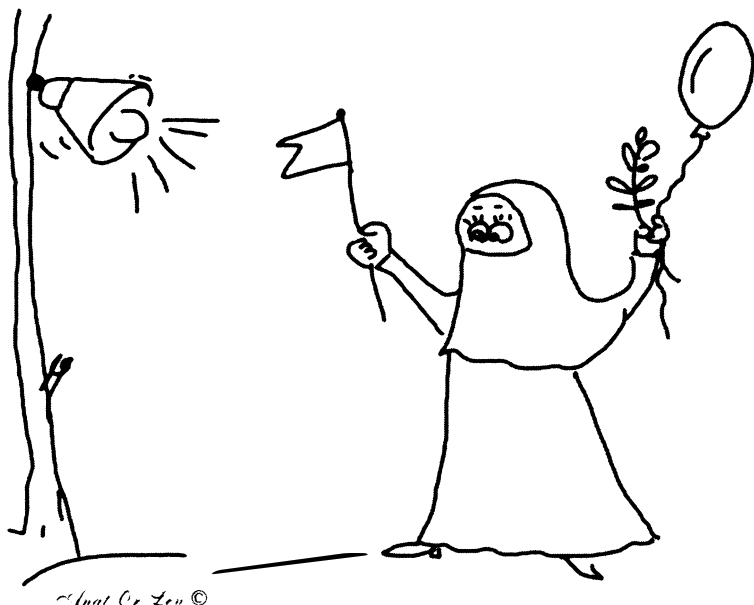
– Будучи юношей, я много читал, искал правду.

– Нашли?

– Нашел. Социализм – это хорошо, но сионизм – нехорошо.

– Почему же вы живете в стране «сионистской агрессии», а не уехали в страну господствующего социализма?

– Как я мог уехать? Приехал в Палестину в тридцать восьмом, поступил в университет. В тридцать девятом нацисты заняли мой родной Вильнюс – и я остался здесь. (Вообще в 1939 году Вильнюс заняла Красная армия, а нацисты заняли его в 1941-м. – П.К.) В сороковом в подполье вступил в компартию. Иврит знал еще до

приезда. За первый год обучения пришлось заплатить, а потом мне дали стипендию. Таких студентов было очень мало – чего же уезжать?

– Но там же победил социализм, в то время как тут – сионизм.

– Настоящий коммунист не должен жить там, где ему легче и лучше. Для коммуниста бороться здесь за социалистические и коммунистические идеи более важно, чем жить там, где социализм уже победил.

– ...Знаю, что недавно вы овдовели. Кто вам помогает заниматься хозяйством – уборкой, стиркой, приготовлением пищи и так далее?

– Уже семь или восемь лет ко мне приходит женщина, которая следит за чистотой, готовит. Арабка из Яффо, не член нашей партии, но по своим убеждениям близка к нам. Полностью ей доверяю.

– Являясь при этом ее эксплуататором?

– Мы ведь с вами живем не при социализме, поэтому приходится придерживаться общепринятых правил. Я плачу этой женщине максимум того, что принято в подобных случаях. Мы с ней, кстати, говорили, как жестоко эксплуатируют эмигрантов, – ужас!

– Эмигрантов? Или – репатриантов?

– Определение неестественно. Репатриантом можно назвать человека, который вернулся сюда, какое-то время прожив в другом месте. А «возврат на историческую родину» – понятие чисто политическое.

– Вы прожили долгую жизнь. Не разочаровались в том, чем всю эту жизнь занимались?

– Наоборот. Я теперь особенно счастлив. Наша мечта начала наконец осуществляться. Я знаю, что идеи социализма победят.

Приближался большой праздник – День международной солидарности трудящихся. Звоню Вильнеру, прошу поздравить народ в прямом эфире. С радостью соглашается: «Братья и сестры, арабы и евреи! Поздравляю вас с Днем солидарности! Не позволяйте хозяевам-толстосумам вас эксплуатировать!» – и всё в таком роде. Честное слово!

«А КНИГУ ПОДПИСАЛ?»

Приехал в Израиль Евгений Евтушенко. Пришел на радио. Привел Аркаша Крумер, замечательный парень, много лет возит талантливых израильтян на «Славянский базар» в Витебск; брат, муж, отец и – кто бы подумал? – дед! Аркаша, который устраивает разные фестивали, фонтанирует проектами и пишет книги. Одну «штучку» (его терминология) перескажу. Ёжик и жираф соревнуются – кто выше. Ёжик с гордостью: «Я могу дотянуться до верхушки ромашки». Жираф: «Я могу дотянуться до самого неба». Ёжик расстроился. Жираф: «Ну, тогда давай соревноваться, кто ниже».

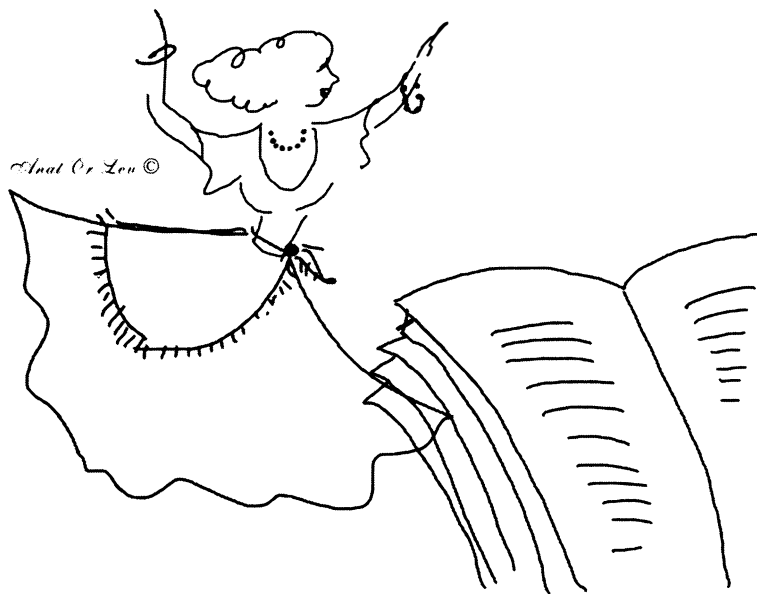
Итак, Евтушенко на радио. Невероятный пиджак, еще пестрее галстук, а сорочка... Клетчатые штаны и кроссовки; прикид – «вырви глаз». Начинаю эфир: «Моя задача как проста, так и сложна: включить Евгению Александровичу микрофон – и больше не мешать». И не мешала. Но с одним вопросом прорваться всё же удалось: «Если поэт в России – больше, чем поэт, – то кто он?» Ответа, разумеется, не получаю, да и зачем? Поэт размышляет о своем.

Причем без перерыва. Пришлось даже, используя служебное положение, удлинить программу на полчаса.

Наш разговор (монолог поэта) продолжается и через неделю, когда Аркаша забирает нас с классиком к себе на шашлыки. К себе – в квартиру, где очаровательная жена; где бесстыжая лиловая орхидея цветет непрерывно, как ненормальная; где громадный балкон, заселенный разными разноцветными рыбами, фигурками клеймеров, троллями и прочими диковинными существами; где черный щенок-добермана Леди бросается к тебе с одной целью – лизать нос, щеки, а если повезет – и губы. Квартира, в которой не хочется чувствовать себя как дома: ты с первой минуты уже и так оказываешься дома... Народ суетится, накрывает на стол, классик вещает, я внимаю. Пастернак-Живаго-английский фильм-прекрасный Омар Шариф. «Да бросьте, – говорю, – конвульсирующий Живаго – и вдруг Шариф. Вот с Барброй Стрейзанд в «Смешной девчонке» он действительно хорош». – «Стрейзанд? Она в этом фильме не играла». – «Хотите пари?» – «Не спорьте со мной, я преподаю кино американским студентам». Окружающие требуют пари, заключаем. Он ставит собрание своих сочинений против... не помню, кажется, собрания сочинений моих. Так или иначе, я ничем не рискую. «Разбивающий» друг хозяина дома просит двадцать процентов – обещаю в случае выигрыша. Заходим в Интернет. Поэт: «Что за «Смешная девчонка»? Я никогда не видел этого фильма.

Мы говорили о «Живаго»...» Да, говорили и о нем. В общем, пари признали недействительным.

Рассказываю приятелю. «А книгу подписал?» – «Ну да, еще неделю назад. Я же тебе рассказывала!» – «А книгу подписал?» – «Да что с тобой?» – и тут дошло. Как-то у меня в прямом эфире царила Женя Фаерман, исполнительница песен на всех мыслимых и не очень языках. Страшно прикинуть, сколько Жене лет, но она весела, жизнерадостна, стройна и скачет, как блоха, на высоченных шпильках. Одно время «Женька-цыганка» работала

в знаменитом парижском ресторане «Распутин». Приехал когда-то Евтушенко в Париж, заглянул на огонек в ресторацию. «Цыганка» пела-плясала, зазывно трясла разноцветными юбками, звонко била в бубен. Поэт понял ситуацию по-своему: захотел подарить певице книгу стихов. И подписать. Но вот незадача – книга-то в гостиничном номере! Ресторан закрылся, отправились в гостиницу. «И тут, – рассказывает Фаерман, – он начинает снимать с меня пальто. Я испугалась, вспомнила про мужа и детей – и убежала». – «А книгу, – невозмутимо спрашиваю, – подписал?» Что тут началось... Певица буквально рыдала от смеха – в прямом эфире! Потом знакомые еще долго ее спрашивали: «А книгу подписал?»

Звоню поэту, напоминаю сюжет. Евтушенко пугается: «Никакую Женю я не раздевал и про книгу ничего не помню!»

...Интересно, а книгу подписал?

МИЛЛИОН ЗА САПОГИ

Одно из достоинств (или один из недостатков?) моего мужа – стойкое и яростное нежелание ходить по магазинам. Помню, купила ему «наизусть» костюм – однобортный, светло-кофейный, мечта! – конечно, по размеру не подошел. Ходила менять трижды – сам не соизволил... Приближается очередной день его рождения, за месяц начинаю нудеть: «Дорогой, тебе нужны туфли; не могу купить без примерки, пойдем вместе». При этом понимаю: шансы нулевые... А надобно сказать, что накануне мы съездили в Запорожье, где оба родились, выучились и повзрослели. Нам устроили великолепный прием, из всего бывшего нерушимого съехались друзья, и, пребывая в полной эйфории, я оставила там любимые сапоги. Черные, высокие, облегающие, нарядные. В городе детства они негодились, в Израиле я их обувала, может быть, пару раз – на Новый год и на свадьбу дочери друзей, но без черных облегающих сапог, согласитесь, жизнь уныла. Итак, в день рождения мужа я названиваю ему по сотовому – занято. Наконец перезванивает. Поздравляю;

не надеясь на успех, скорее по инерции, осторожно предлагаю вместе съездить за подарком. Он вдруг соглашается, обещает заехать за мной через пять минут. Естественно, выбегаю в чем есть: в домашней голубой майке, ситцевых штанах (не брюках, а именно штанах) в клеточку (голубую же) и шлепанцах. Едем в обувной магазин. Муж молниеносно выбирает две пары туфель. Спрашиваю: «Хочешь обе?» – «В важном деле мелочей не бывает». Некстати звонит его мобильник, муж выскакивает из магазина: «Жди!» Сижу, жду. Гляжу по сторонам. А по сторонам – сапоги. Черные, замшевые, с пряжкой,

Я их даже обула. Единожды. На юбилей Клары Новиковой в Москве. Наверное, они произвели впечатление, не знаю. Но, вернувшись, я обнаружила, что сапоги над каблуками порваны. В магазин их приняли, обменяли на другие. Осадок остался.

...Но где мои миллионы? Нет ответа.

Пьеса
«НАРИСОВАНЫ АКТЕРЫ,
МУЗЫКАНТЫ И ТАНЦОРЫ»

Акт 1

«ПОЗДРАВЛЯЮ, ГРАЖДАНИН!...»

- Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота.*
- Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот.*
- Так что же говорит этот человек?*
- А он попросту соврал!.. Поздравляю вас, гражданин, соврами!*

М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

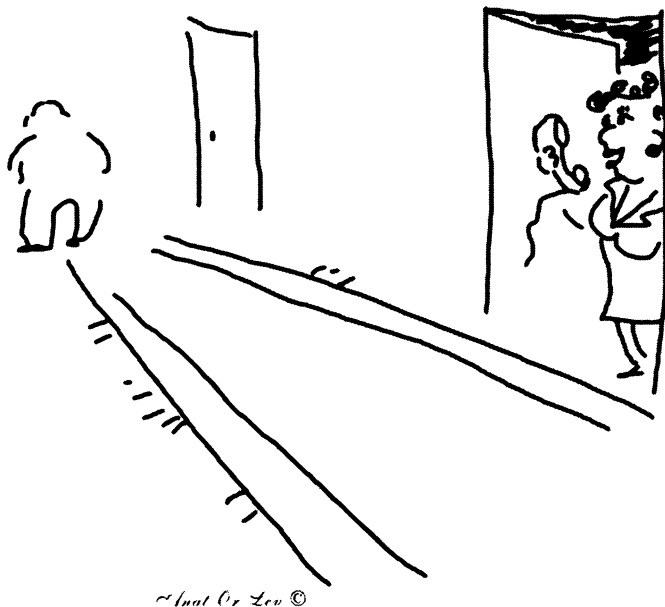
Эта история продолжалась много лет.

Часть первая. Давняя

В середине пятидесятых годов прошлого века моя будущая мама была молодым, но уже известным адвокатом, специалистом по уголовным делам. Пришло время очередного отпуска, и они с коллегой, подругой Ритой, отправились отдыхать в Ялту. Стояло лето, разгар курортного

сезона, мест в гостиницах, понятно, не было, но мамин давний верный друг, директор Крымской филармонии, забронировал для дам лучший номер люкс в недоступной простым смертным шикарной «Ореанде». Хоромы, надо заметить, размещались на втором этаже в самом конце длинного коридора, лифта не было.

Началась сказка: море, солнце, крымские фрукты, концерты и спектакли, контрамарками на которые обеспечивал всё тот же друг. Однажды поздним вечером дамы вернулись с очередного концерта и замешкались

в гостиничном коридоре, открывая ключом свое временное жилище. В это самое время к комнате напротив подошли двое явно нетрезвых, по-пляжному одетых господ. Видимо, собираясь продолжить приятный вечер, один из них спросил: «Девочки, у вас есть х-хлеб?» Получив отрицательный ответ, он не унимался: «А если мы к вам зайдем?» Бойкая мама за словом в карман не полезла: «Как зайдете, так и вылетите!» – «Да вы посмотрите, кто перед вами! Я – Весник, мой друг – Евгений Матвеев». На женщин, впрочем, сие сообщение должного действия не возымело и впечатления не произвело. Тем временем Е. Матвеев потерял терпение: «Женя, пойдем, на черта они тебе нужны!» – и тем самым подписал и себе, и коллеге приговор: подобного пренебрежения дамы, как правило, не прощают.

Войдя к себе, мама с Ритой узнали по гостиничному справочнику номер телефона обидчиков. Мама этот номер набрала: «Товарищ Весник? С вами говорит дежурный администратор. Будьте добры, проводите гостя: после 23.00 посторонним в номерах находиться не положено». – «Но он – не посторонний, он известный артист Матвеев! Мы пьем чай» – «Мне всё равно, что вы пьете. У нас режимная гостиница – проводите гостя», – и положила трубку. Дверь напротив открылась, женщины приникли к своей – Весник потопал по длинному коридору в его, коридора, начало – к посту администратора. Через некоторое время вновь раздались нетвердые

шаги: хозяин, чертыхаясь, возвращался. Прошло еще минут пять, и мама вновь набрала уже знакомый номер телефона: «Товарищ Весник? Я же просила: проводите гостя...» – «Но я только что у вас был!» – «Вы, вероятно, были у администратора второго этажа, а я нахожусь на первом. Проводите гостя – у нас режимная гостиница». Вновь – шаги по коридору и обратно... А дальше, видно, чай пить расхотелось, кураж пропал, и Матвеев подчинился приказу суровой «администрации»: ушел. Отмщенные мама с Ритой крепко уснули с чувством глубокого удовлетворения.

Часть вторая. Год 1994

Звонит израильский продюсер: «Выручай, сделай программу с Весником – горю!» Сердце не камень, отменяю приготовленную программу, едем с продюсером за Весником и в прямой эфир. По дороге актер не замолкает ни на минуту: «Знаете, что больше всего поразило меня в Израиле? Окна моего номера выходят на море. Уже несколько дней наблюдаю за пластмассовыми стульчиками на пляже. Красненькими и желтенькими. Сосчитал их – и, поверите, за мое недельное пребывание количество не изменилось. Не воруют у вас, что ли?» И всё – в таком духе.

Приезжаем на радио, проводим час эфира, после него Весник рассыпается в комплиментах. Явно

напрашивается в гости – видно, не с кем вечер скоротать. Развожу руками: в другой раз – с радостью, но сегодня никак не могу. Актер возобновляет комплименты. Наступает кульминация: «Мама с вами живет? Давайте позвоним – я расскажу, какая у нее замечательная дочь». Звоним. Выслушав восторги, мама говорит: «Мы, кстати, с вами знакомы – встречались как-то в «Ореанде». Вас тогда Матвеев навещал. Не помните? Мы с подругой еще были в сиреневых платьях. Одинаковых – тогда это считалось высшим шиком!» Весник вспоминает (или делает вид, что вспомнил), конфузится, извиняется. Мама веселится: «Да бросьте, это нам с Ритой впору извиняться. Впрочем – поделом вам!» Весник соглашается, они прощаются, мы прощаемся, разъезжаемся. Конец истории? Ан нет!

Часть третья. Наши дни

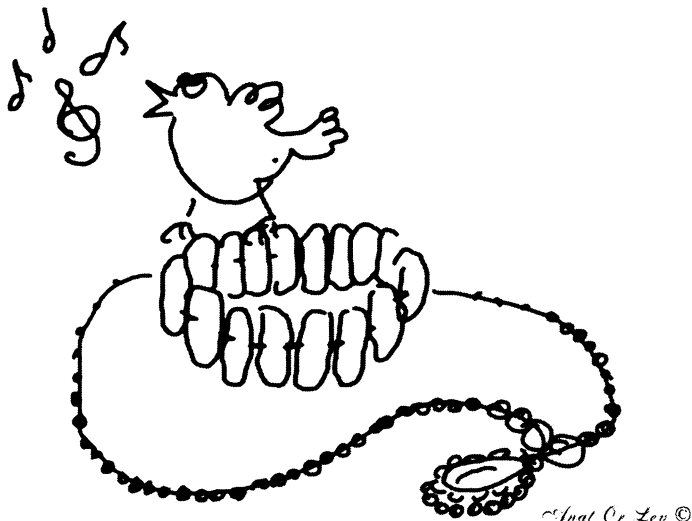
Сиюю на работе, готовлюсь к очередной программе. Звонит мама: «Слушай, только что по «России» показали новую программу «С легким паром!». Евдокимов в бане принимает разных актеров и просит рассказать о самом забавном приключении. Вступает Весник: «Был я как-то с гастрольями в Израиле. Привезли меня на местное радио давать интервью их журналистке, молодой интересной женщине (за комплимент, конечно, спасибо. – П.К.). Окончился эфир, она и говорит: «А моя мама – ваша

давняя поклонница. Можно, мы ей позвоним?» Чего ж поклоннице не позвонить? «Валяйте», – говорю. Звонит: «Мама, здесь – Весник», – и трубку мне передает. Слышу (далее говорит примерно с таким акцентом, с которым антисемиты рассказывают анекдоты про евреев): «Весник! Мы с вами знакомы. Вы в Ялте в гостинице (забыла, как называется, – проклятый склероз! А вы хорошо себя чувствуете? Дай вам Бог до 120-ти!) врывались ко мне в номер – так я таки вас не пустила!» Весник продолжает: «Я начинаю извиняться, а она мне: «Ой, что вы, я до сих пор жалею. Пусти я вас тогда – может, жизнь по-другому сложилась бы...»

А вот теперь – конец истории.

СИНАТРЕ НЕ ЗВОНИМ

На радио подружились с Ядвигой Поплавской и Александром Тихановичем – Ядя и Саша, «Очки» и «Усы», знаменитые «Верасы» (невольная рифма). После эфира, сроднившись накрепко, ели плов у их приятеля, хором пели «Малиновку» и «Завируху». Из своей Беларуси ребята звонили, поздравляли с Рош ха-Шана, я поздравляла их с Новым годом. Недавно встречались на «Славянском базаре». Их обидели: не пригласили участвовать в помпезной церемонии открытия фестиваля. В ответ они отказались приехать и на День Беларуси. На пресс-конференции я до смерти напугала замминистра культуры страны: «Владимир Михайлович, почему в концерте открытия фестиваля не выступали Ядвига Поплавская и Александр Тиханович?» – «А вы считаете, что они должны принимать участие во всех наших мероприятиях?» – «Вы, вероятно, еврей: отвечаете вопросом на вопрос». Он потом за мной ходил – в черном костюме и при галстукe в тридцатиградусную жару – и докладывал, что на закрытие ребята все-таки приедут. Приехали.

Среди ночи, чтобы повидаться: я улетала на рассвете. Обнялись, обменялись подарками (я тут же нацепила янтарное ожерелье и браслет), до утра просидели в моем крошечном гостиничном номере, снова пели, не могли наговориться... Ядя деловито проинспектировала комнату и ванную, дабы я ничего не забыла; посадили в машину, я отправилась в аэропорт.

Уже в Израиле ужинаем с мужем у брата, он вдруг ставит диск: «Малиновки заслышав голосок...» Набираю номер телефона: «Яденька, здравствуй дорогая! Ты слышишь, как мы время проводим?» – «Лиорочка, как я тебе рада! Спасибо за звонок, поцелуй всех, кто

рядом с тобой. Привет от моего Сашки, он кричит: «Радио РЭКА – радио века!»

Кладу трубку, горделиво оглядываю своих. Брат (осторожно): «Хочешь сказать, что Синатру мы сегодня слушать не будем?»

«ТО ПЛАЧУТ БЕРЕЗЫ, ТО ПЛАЧУТ БЕРЕЗЫ»

А без слез действительно не расскажешь.

Приехали с Израиль с концертами мои дорогие Ядя с Сашей. И еще – «Песняры». Какие – точно не знаю: есть республиканский состав, есть муниципальный и еще какой-то третий. Гастроли – странные, подпольные: ни рекламы, ни объявлений, а залы полны. Да и принимающая сторона (продюсеры, импресарио или как их еще?) мне неизвестна, что крайне странно: всех наших вроде знаю. Ладно, мне бы с друзьями повидаться. По телефону договариваемся, что они с внуком Ваней в последний – свободный – вечер приедут ко мне на ужин. То есть мы с мужем их заберем из гостиницы и туда же вернем. С утра звонит Ядвига: «Слушай, мы всё перепутали. Летим сегодня в полночь – ужин отменяется. В полдень нас из гостиницы выселяют. И везут из Нетании куда-то в Тель-Авив. А твоя Раанана по пути? Так мы попросим водителя завезти нас к тебе на полчаса. Хоть поцелуем!» Спешно

режу арбуз, дыню, сыр. Тут и водитель звонит – подъехали. Замечательная встреча, Ванька возится с моей рыжей собакой, пытается накормить ее арбузом. Мы же, как обычно, никак не можем наговориться – в общем, часа как не бывало. Гости уже у двери: «Неудобно – ребята ждут». Тут бы мне и задуматься... Выхожу проводить. Под моим домом стоит микроавтобус, а в нем – полно людей. «Песняры»... Их директор спрашивает, далеко ли до парка орхидей – надо же где-то время до самолета скоротать. Объясняю, что парк – в ту сторону, откуда они приехали, и еще намного дальше. То есть совсем далеко от аэропорта. «А в вашем городе есть парк?» – «Есть, но там сейчас очень жарко». – «А туалет там есть?» – «?» – «Очень хочется...» Ну, я же не инквизитор. И вот «Песняры» в полном составе выстраиваются в очередь к моему унитазу. Первый выходит: «Какая прелесть! У вас там и Булгаков, и Довлатов, и Данелия – царская библиотека!» Короче говоря, обошлось без потерь. А дальше они уехали в торговый центр – и прохладно, и погулять можно, и пописать. Главное – время до рейса скоротать.

По телефону рассказываю эту историю Лиле, подруге моей покойной мамы. Она спрашивает, чисто ли после гостей в туалете. «Идеально», – говорю. «Тебе повезло. Тут ко мне недавно электрик приходил – ну и попросился. Я, конечно, пустила. Во-первых, не по-маленькому он ходил, во-вторых, воду плохо слил. Душик мой специальный со стенки содрал, полотенце почему-то бросил на

Anat Or Lev ©

пол, стены мокрые... В общем, я разделась почти догола, надела резиновые перчатки, взяла щетку, хлорку...» – «Лиля, – говорю, – потрясающе пикантная история. Особенно будоражат ключевые слова: «разделась почти догола».

Мой же унитаз девственен и бел. Только время от времени в мои самые пикантные минуты из него раздастся тихая нежная полифония «Белый аист летит...». А капелла.

«А ПОД ОКНОМ – ТО ДОЖДЬ, ТО СНЕГ»

Смотрим мы с мужем какую-то муру по телевизору, джин с тоником попиваем. Вдруг любимый нажимает на паузу и отправляется выгуливать собаку. Телефон, естественно, с собой захватил. Вытряхнула я пепельницу, включила сушильную машину, проверила электронную почту – дорогой всё не возвращается. Зато родной голос хорошо слышен: под окном по телефону беседует. Подозреваю, что с Вовкой по «вайберу». Будучи человеком от природы деликатным, не звоню, дабы не прервать важную беседу, а пишу сообщение: «Совесьть имей! Сколько можно трындеть под окном?»

Отправляю. Мгновенно звонит мой телефон: «Я что-то не так сделал? Провинился перед тобой?» А у меня в контактах Sasha Kapsheev, а перед ним – Sasha Kanevsky. Ну и... врезала. Известному писателю, автору бессмертной «Тезы с нашего двора». «Я, – говорит, – что? Сижу себе за компьютером, работаю... Ты уж

Антракт

О НЕПРИЖИВШИХСЯ В ИЗРАИЛЕ

Сюжет первый

Сижу одна в редакции родного радио. Звонит телефон: «Можно поговорить с кем-то из редакторов?» – «Я вас слушаю». – «Я – такая-то из Министерства внутренних дел. Вас интересуют советские писатели?» – «Кто конкретно?» – «Анатолий Алексин». – «Конечно интересно. Он – здесь?» – «Да. Приехал с женой по личному приглашению премьер-министра для окончания работы над книгой «Сага о Певзнерах». Хотите взять интервью?» Разумеется, хочу.

Приезжают Алексины, записываем программу. У меня возникает «окно» часа на два. Вызываюсь проводить гостей, а заодно – показать Тель-Авив. Погода прекрасная, буйно цветут желтые-красные-лиловые-фиолетовые акации (их у нас пятьдесят с лишним разновидностей), гуляем по улице Дизенгоф. Не умолкаю: «Эта улица

названа в честь первого мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа, а площадь – в честь его жены...» Доходим до «Книжной лавки» Шемы Принц. И здесь необходимо небольшое отступление.

Впервые о Шеме Принц мне рассказали еще до переезда. Мы с семьей гостили в Москве у своего друга, композитора Виктора Берковского, и Дима Богданов, выступавший тогда с Виктором Семеновичем, делился впечатлениями от поездки в Израиль (у него здесь живет друг, раввин Иванов – бывает и такое). Среди прочего Дима рассказал о «Книжной лавке», в которую заглядывают решительно все, кто имеет хоть какое-то отношение к культуре и искусству. И всех будто бы гостеприимная хозяйка обогревает, всем помогает, дает «путевку в жизнь». Оказавшись в Израиле, я почти сразу же, чисто случайно, напоролась на Шему – и подружилась с ней на долгие годы. Тогда, в начале 90-х, я даже завела рубрику «У Шемы» в только что открывшейся газете «Новости недели»... 26 февраля 1991 года, в день моего рождения, Саддам Хусейн пулнул в нас две последние ракеты в Войне в Персидском заливе. На следующий день начался праздник Пурим. Я шла к Шеме по расцвеченному Тель-Авиву, всё вокруг меня хохотало-клокотало-танцевало-звенело. Кое-кто еще не расстался с противогАЗами, но все эти противогАЗы были в нарядных цветных сумочках. Девочки и девушки выступали в костюмах иудейской принцессы Эстер, мужчины всех возрастов предпочли образ Нахмана

Шая – прославившегося в дни войны пресс-секретаря Армии обороны Израиля. Шема повела меня в Дизенгоф-центр и купила по случаю дня рождения первую в моей израильской жизни обновку: светло-абрикосовую мини-юбку и блузу в белую и абрикосовую полоски. Мне искренне жаль, что уже нет «Книжной лавки», что кануло в Лету столь достойное явление культуры «русского» Израиля...

Итак, мы с Алексиными у «Книжной лавки» – как не зайти? Шема принимает по-королевски, предлагает

чай-кофе, просит подписать на память имеющиеся у нее книги Алексина – словом, всячески суетится. Сидим, пьем чай, приятно беседуем. Тут, с полосатым пляжным зонтиком, в легкомысленных голубеньких шортах, в лавку заглядывает Михаил Козаков собственной персоной. Алексин с Козаковым бросаются друг к другу, обнимаются, и писатель спрашивает: «Миша, ну как тебе здесь?» И тут я пожалела, что нет под рукой видеокамеры. Козаков стал в потрясающую позу (Гамлета ли, Лира ли короля?), положил руку на лоб и на «чистом» иврите произнес (цитирую дословно): «Ани хошевет, шо...» Мы вчетвером дружно разинули рты: Алексины – от глубины проникновения Козаковым в древний язык, мы с Шемой – наоборот. Даже затрудняюсь перевести: «Я (от женского лица) думаю», дальше вообще не иврит. Дабы разрядить атмосферу, подхожу к Козакову, говорю вполголоса: «Михал Михалыч, я, конечно, понимаю, что вам проще говорить на родном языке, но, думаю, по-русски Анатолий Георгиевич тоже поймет». Мэтр вздрогнул, как будто пробудился от крепкого сна, провел ладонью по лицу, стряхивая невидимую зрителям пелену (паутину?), и произнес своим великолепным, таким своеобразным голосом: «Вы совершенно правы, но что делать, если мой русский язык уходит?»

Прославленный режиссер и актер жил в то время в Израиле. В многочисленных интервью признавался тогда, что переехал, так как в России не мог добыть маленькому сыну молока. Вернулся в Россию, там написал книгу,

в которой весьма нелестно отозвался о нашей стране, – видимо, и здесь с молоком для сына возникли проблемы. Тяжело заболев, вновь переехал в Израиль. Здесь и скончался. Похоронен в Москве.

...А красный борщ Тани Алексиной (светлая память!) славился на весь «русский» Израиль. Секрет прост: она варила его на томатном соке. Ни капельки воды!

Сюжет второй

Замечательный актер Валентин Никулин прожил в Израиле несколько лет. Вернувшись в Москву, он в различных интервью российской прессе рассказывал, как не хотел сюда ехать, как жалеет, что поддался уговорам жены. Зато с языком, утверждал актер, у него проблем не было: выучил якобы иврит. Лукавил Валентин Юрьевич: не выучил. Тем не менее почти сразу после приезда получил роль в театре «Габима» – естественно, на иврите. Сказались актерские навыки, вызубрил текст... Однажды проснулся с головной болью после вчерашнего. Опохмелиться нечем, жена ушла по своим делам, в домашней аптечке – ничего подходящего. Поплелся Никулин в аптеку. Там попытался жестами объяснить, что голова болит, – не понимают. Тогда, недолго думая, грохнулся на колени и, хватая за руки перепуганную девочку-продащицу, стал на высоком иврите произносить фрагменты роли: «Я погибаю от любви, только ты

можешь меня спасти!..» Худой, растрепанный, небритый – бедная девочка! Хорошо, нашелся кто-то, понимающий по-русски...

Не секрет, что Валентин Юрьевич любил выпить. Условились мы с ним как-то о передаче в прямом эфире. Жена его, милейшая Инна, предупредила: «Постараюсь его удержать, не получится – не взыщите. Если сбежит от меня, запьет обязательно». Передача в пятницу, а в четверг Инна звонит: «Увы, исчез». Готовлю замену. В пятницу за двадцать минут до эфира является Никулин – весьма несвеж. Сам помят, сорочка помята... И что мне делать? С одной, профессиональной стороны, нужно проводить передачу без него. С другой, человеколюбивой стороны, рассуждаю: общественным транспортом как-то добрался из Иерусалима в Тель-Авив, старался не подвести...

В общем, передача прошла замечательно – еще долго о ней вспоминали. И этот уже не с нами... Жаль Валю...

Акт 2

«НЕ ДАЙ МНЕ БОГ ЛЮБВИ КРЕСТА!»

В очередной приезд Александра Дольского в Израиль мы – по давно сложившейся традиции – встретились в эфире. Через несколько дней сталкиваемся на каком-то мероприятии. Он вдруг говорит: «Я тебе, между прочим, сонет посвятил». И листок протягивает. Читаю:

Лиоре Ган

*Ты так умна, что непонятно –
откуда эта красота...*

*Ты так прекрасна и проста,
что не боишься быть невнятной.*

*Перекрещусь я троекратно –
не дай мне Бог любви креста!*

*Но не могу согнуть перста
и прочитатъ моленъе внятно.*

*И утонченный твой каприз
тебе самой пока неясен.
Он нас возносит?.. Или вниз
бросает? Но прекрасен
сам этот случай. И возможность
забыть весь мир и осторожность.*

21–22.03.2000

Реховот

А. Дольский

Несколько обалдевшая, замечаю: «Спасибо, конечно, сонет потрясающий. Я только не совсем поняла – «утонченный каприз», «прекрасный случай», «забыть весь мир»... О чем ты, Сашенька? Не очень удобно – я все-таки замужем...» Он отвечает: «Не думал, что ты такая «тундра». Это же лирический герой, а не я; Муза, а не ты!» Осторожно интересуюсь, собирается ли поэт сонет печатать или, например, в песню превращать. Отвечает утвердительно. «Что, и посвящение опубликуешь?» – «Не думал, что ты такая «тундра». Я же женат!...»

Спасибо, Саша Дольский, за сонет!

«ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ»

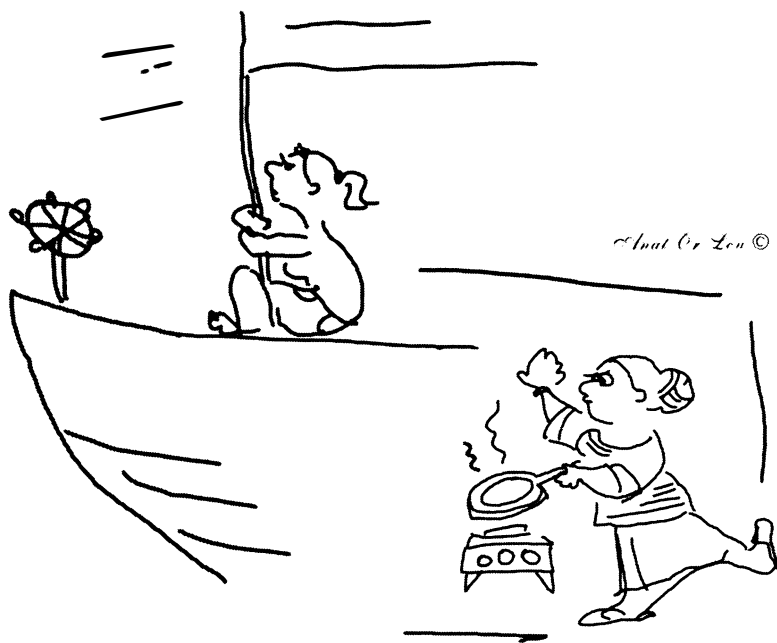
Виктор Семенович Берковский, а для меня – просто Витя, сыграл в моей жизни ужасную роль. Я, воспитанная на авторской песне именно им, возненавидела бардов. То есть, разумеется, не всех бардов, а графоманов. Так уж случилось, что люблю песни Берковского и, что делать, «себя под Берковским чищу». Мы дружили (мне повезло), Виктор, кроме прочего, был потрясающим рассказчиком:

«...Однажды нас с Димой Богдановым и Галей Бочкиной пригласили во Владивосток для участия в фестивале «Приморские струны». Мы в эту поездку взяли с собой жен-мужей. Если бы мы только знали, что получится!..

Нам организовали плавание на яхте. Мы вышли в открытый океан на огромном крейсерском катамаране с мощной командой, которая занималась серьезной исследовательской работой. Распределили обязанности, мне достался второй руль (на катамаране их два).

Радио на яхте не было, поэтому штормового предупреждения мы не получили. Тайфун обрушился на Сахалин, океан заволновался. Шторм был серьезный: яхту

поднимало, потом бросало вниз, потом опять поднимало; гребень волны проходил по палубе, накрывая всех с головой. Так продолжалось пять часов... Моя жена, зачем-то накинув на плечи цыганскую вишневую шаль, сидела около мачты, сжав ее в объятиях, и смотрела только вперед: едва поворачивала голову в сторону, тут же возникал незапланированный позыв. Все остальные тоже бегали к дырке посреди палубы, и только я один со скукой смотрел на происходящее, но уйти не мог, понимая, что если кого-то смоет – нужно будет спасать.

Никого не смыло, но мой руль оторвало, потом начали лопаться ванты, рухнула передняя палуба со всем оборудованием и запасами пресной воды. На фоне всеобщей радости и бодрости я пел песню: «По рыбам, по звездам проносит шаланду», – и, когда мы проходили мимо острова Верховского, сочинил эпохальные стихи: «У острова Верховского искали труп Берковского». В таком приподнятом состоянии духа наша команда все-таки сумела, управляя практически одними парусами, ввести то, что осталось от катамарана, в тень острова.

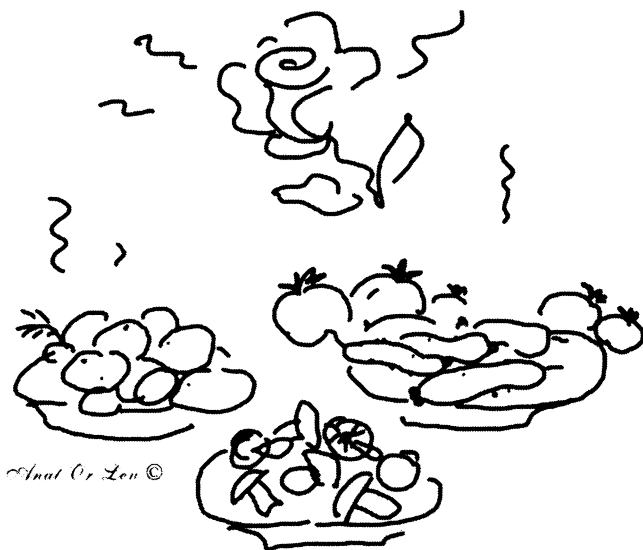
Стало тихо. Капитан, до этого не проронивший ни слова, растрогавшись, вынес спирт. А жена его, как оказалось, всё время нашей борьбы со стихией находилась на камбузе, где, упершись ногой в стену, пекла блины, которые и предъявила нам в громадном тазу. Все выпили по рюмке, в сильном возбуждении проорали песню «Получилось хорошо», после чего развели костер и начали варить уху из рыбы, которую еще до шторма мне подарили рыбаки. Уха обещала получиться потрясающей, но до нее никто не дожил: уснули прямо на песке...»

...А песню «Под музыку Вивальди» на стихи Александра Величанского написал Виктор Семенович Берковский. Сергей Яковлевич Никитин после присоединился. Но это – совсем другая история.

ЗАПАХ РОЗЫ

И еще – о Берковском. Лето 1983 года. Суббота. Мы с семьей (мама, папа, брат с женой и маленьким сыном, муж, я, наша дочь – в моем животе) отдыхаем на днепровской базе отдыха Разумовка. Знакомые, живущие по соседству, ждут в гости друзей-москвичей: композитора Виктора Берковского с женой. Столы между двумя домиками накрыты: молодая картошечка с селедкой, жареные, только что собранные грибы, украинские розовые помидоры, огурчики в пупырышках. «Сухой закон» в разгаре, но чайники выразительно полны белой жидкостью. Часов в девять вечера гости появляются. Виктор – с гитарой. Почти до утра хором поём «Под музыку Вивальди», «На далекой Амазонке», «О сладкий миг, когда старик...»

Утром вновь выползаем из домиков. Собираем на стол оставшееся после вчерашнего. Еда – в изобилии, из напитков остались чай и кофе. Поём. Вдруг меня, токсикозную, начинает преследовать навязчивый запах розового масла. Незлым тихим словом вспоминаю Понтия Пилата, а запах усиливается. Обнюхиваю присутствующих,

пристаю: «Ребята, от кого пахнет розой?» Отвечает Виктор Семенович Берковский: «Мне хозяйка дома сделала ёрш из пива с водкой – теперь от меня пахнет розой!»

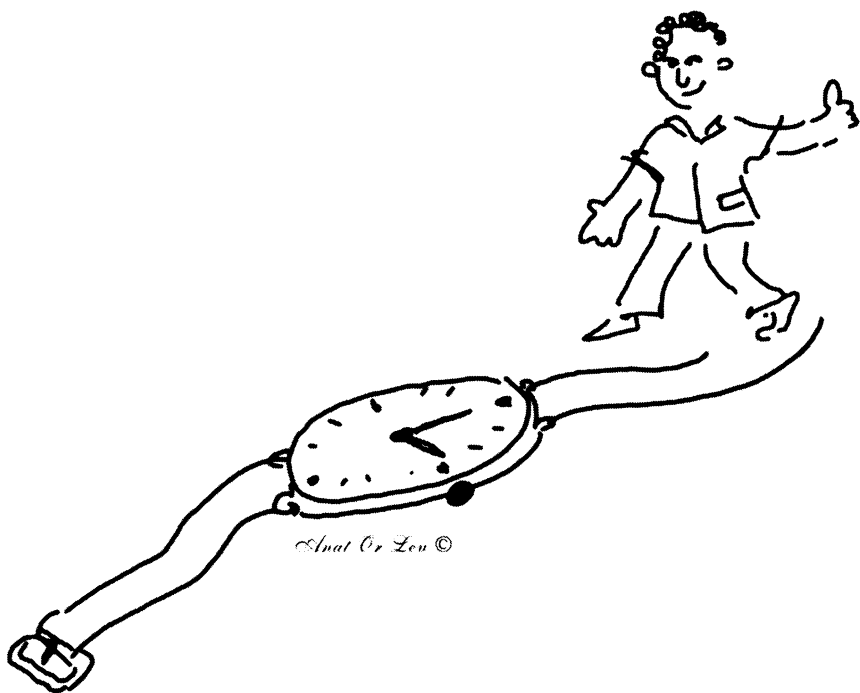
Он ушел – и кто остался в жанре самодеятельной песни? Такого уровня? Мало...

СЕНЯ ПРИДЕТ?

Берковские были последними, с кем мы прощались в Советском Союзе. Естественно, прощались навсегда: в 90-м все так прощались. Мы с мужем, дочкой и родителями провели у них последнюю советскую ночь, нас провожали песней «До свиданья, дорогие, вам ни пуха ни пера!» А уже через два года Виктор Семенович Берковский приехал на гастроли в Израиль.

Из аэропорта его привезли прямо ко мне в эфир, потом он уехал на концерт, а на другой день мама накрыла потрясающий стол: к ужину ожидается «Витечка» (понятно, Берковский). У меня же в этот вечер в эфире впервые был поэт Андрей Дементьев. Они с женой тогда представляли в Израиле государственный российский телеканал, снимали квартиру в Иерусалиме. И так мы в ходе программы подружились с Андреем Дмитриевичем и Аней, что не захотелось расставаться. «Ребята, вы свободны? Поехали к нам на ужин!» – они оказались свободны.

Приехали. Все перезнакомились. Поговорили, попели, Андрей стихи почитал. Дементьевы засобирались домой.

Мама и говорит: «Подождите, сейчас Сеня придет». А брат мой, Семен, большой друг Берковского, на работе задерживается. Дементьевы, естественно, ничего о Сене не знают. Но, люди воспитанные, покорно ждут. В который раз смотрят на часы.

«Сеня придет», – говорит уже папа. Ждут. Является брат. Знакомится с поэтом и его женой. Обнимается с Берковским, и всё внимание – ему. И даже не подозревает,

что Дементьевы ждут почетной возможности подвезти его в Иерусалим, куда ему не надо.

С тех пор много лет прошло, но всякий раз, приезжая в Израиль, Дементьевы спрашивают: «Сеня придет?» И он, как правило, приходит.

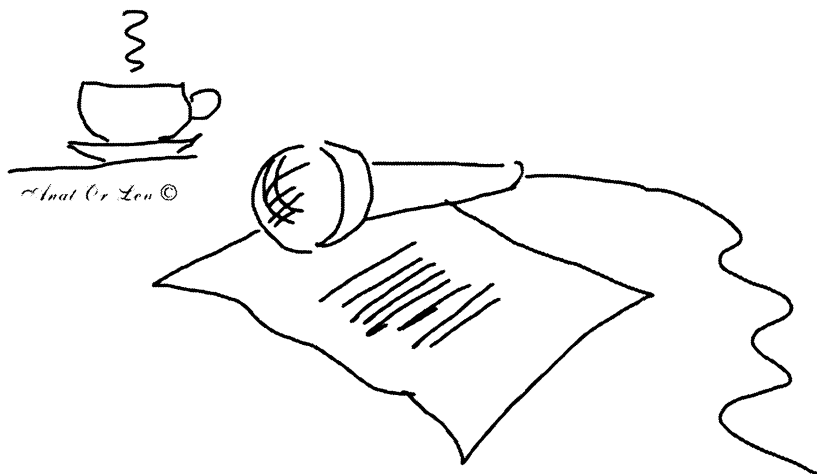
Антракт

О ВРЕДЕ ЧЕРНОГО КОФЕ

Приходит человек к врачу.

– На что жалуетесь?

– Неделю назад прихожу домой – застаю жену с любовником. Собираюсь его выбросить в окно, но жена говорит:

Anat Or Len ©

«Хаим, оставь! Пойдем на кухню, выпьем по чашечке кофе». Выпили – и я дал ему уйти.

– К чему вы ведете?

– Слушайте сюда. Третьего дня вновь застаю жену с любовником. И повторилась история с кофе – я дал ему уйти. А вчера...

– Уважаемый, зачем вы мне всё это рассказываете?

– Я просто хотел узнать: черный кофе не вреден для здоровья?

Старый анекдот

Эпизод первый

Несостоявшаяся беседа с Басиком

Гастролировал у нас Большой драматический театр имени Товстоногова. Я, понятно, соблазнилась перспективой взять интервью у Кирилла Лаврова. Приехала в театр часа за полтора до начала спектакля. Сейчас уже не помню, что давали, да и не важно это для нашего повествования... Лавров вел себя весьма галантно, на вопросы отвечал с готовностью – нормальная рабочая атмосфера. Прозвенел первый звонок, мы прервались; впрочем, договорились продолжить разговор после спектакля, что впоследствии и сделали.

Антракт, кручусь в фойе. Подходит человек среднего роста и таких же лет. «Вы – Лиора? Местные коллеги

просили меня оказать вам всяческое содействие в общении с Лавровым, но вы, похоже, и без меня справились. Так или иначе, позвольте представиться: Константин Серебров, администратор БДТ». Вышли на воздух покурить, заболтались – да так, что пропустили второй акт. Интервью я написала, и всё время, пока БДТ курсировал по Израилю, мы с Костей, подружившись, часами болтали по телефону. Иногда он звонил и из Питера. Как-то вечером раздался очередной международный звонок: «Скоро с антрепризой придет Басик (понятно, речь о Басилашвили. – П.К.). Не прозевай: ты просто обязана взять у него интервью. Да, и еще. Я с ним передам тебе письмо и маленький сувенир – надеюсь, понравится». Рассыпаюсь в благодарностях и за внимание, и за помощь: артисты часто бывают капризны, избалованы вниманием журналистов, а тут Басилашвили вроде уже «готов к употреблению»...

В день приезда гастролеров вызываю Олега Валерьяновича в гостинице, представляюсь. «Да-да, Костя меня предупредил. Показал газету, где беседа с Лавровым, – действительно, перо у вас лихое (спасибо. – П.К.). Еще Серебров собирался вам что-то передать, да мы не пересеклись. Вы спектакля не видели? Приезжайте завтра в театр, заодно и познакомимся». На завтра, вооружившись фотоаппаратом и оставив дома диктофон, еду смотреть спектакль (как оказалось, можно было и не смотреть. – П.К.) и, конечно, знакомиться с прославленным «осенне-марафонщиком». В антракте проникаю в гримуборную,

продираюсь сквозь толпу почитателей: «Здравствуйте, Олег Валерьяныч, я – та самая». Прошу разрешения сделать несколько кадров, расчехляю фотокамеру и вдруг слышу: «Неужели вы всерьез полагали, что я стану в антракте давать интервью?» Пытаюсь объяснить, что ничего такого не полагала, но меня не слушают и продолжают монолог, благо аудитория почтительно внимает: «Научить вас, как брать интервью? Завтра у нас спектакль в Араде. Приезжайте загодя в гостиницу в Нетанию, поедem в Арад вместе. В автобусе поговорить не удастся. Приедem на место, начнется спектакль, вы его посмотрите еще раз (! – П.К.). По дороге обратно, в Нетанию, поговорить вновь не удастся (а я подсчитываю время: уже часа два-три ночи. – П.К.), вы подождете в гостиничном фойе, пока я приму душ, дальше мы с вами где-нибудь выпьем черного кофе, естественно, за ваш счет (курсив мой. – П.К.), после чего я дам вам интервью». – «Спасибо, – говорю, – уже дали». И ушла.

А чем плохое интервью получилось?..

Эпизод второй

«И мастерство, и вдохновенье...»

Приехала в гостиницу в Бат-Яме, где остановился Игорь Костолевский. Он ждал меня в лобби, галантный и изысканный. Встал из-за столика, поцеловал руку, подвинул

стул, предложил выпить кофе (черного!), подозвал официанта, сделал заказ. Беседа полилась чинно и благородно, пока я не заметила на голубом глазу:

– Вы утверждаете, Игорь, что не даете интервью. Я же хорошо запомнила телевизионную беседу с вами Екатерины Уфимцевой. Из ее передачи «Театр + ТВ» напрашивается вывод: с мастерством у вас всё в порядке. А вот вдохновения прибавить не мешало бы.

– Ну, это уж от нас не зависит: вопрос лишь в том, сколько вдохновения Господь отпустил... Мне не показалось, что Уфимцева вела разговор именно об этом: мы больше говорили вообще о жизни... Не знаю. Мне очень трудно и странно обсуждать собственное вдохновение: оно или есть, или его нет. Знаю одно: я занимаюсь своим делом. Понимаю, для чего это делаю, а уж как получается – не мне оценивать...

Дальше он замолчал, внезапно как-то странно оскалился и буквально взорвался (удивительно было видеть, как в прохладном лобби из-под безукоризненно выстриженного виска светского Костолевского предательски потекла капля пота):

– Знаете, почему меня дико раздражают интервью?

– Почему?

– Я прожил какую-то жизнь, что-то сделал. Нравится это кому-то, не нравится; с вдохновением, нет ли – не важно. И вот вы пришли ко мне. Против вас лично ничего не имею, но почему в тридцать минут я должен вам

рассказать то, чем перестрадал, переболел и чего мне вообще всё это стоило? На что вы рассчитываете? Что я серьезно начну вам рассказывать о своих проблемах? Зачем? И почему я должен это делать?

– Не должны.

– И я так думаю. Считаю, что актер – на сцене, на экране. И там меня судите. Не нравлюсь я вам – ваше право. Но только там можно понять, что происходит у артиста в жизни, чем он дышит и есть ли у него вдохновение. Нет вдохновения? Простите. И вообще – разве можно серьезно относиться к тому, что говорят артисты?

– Игорь, кто вас так обидел?

– Да никто меня не обижал. Я просто всегда удивляюсь наивности журналистов. Или вы просто всех нас в идиоты записали? Даже рад, что мы с вами встретились: наконец-то я сказал всё, что думаю про журналистов. Среди вас встречаются талантливые люди, но почему вы всё время норовите поставить нас ниже себя? Почему?

– Хотите, я поставлю вас выше себя? Будьте добры, назовите ваш любимый цвет, опишите тип женщин, который предпочитаете, поделитесь творческими планами и расскажите о несыгранной роли.

*– Вы забыли еще один вопрос: «**В чем** вы сейчас снимаетесь?» Понимаете, журналисты или приходят с дежурным набором вопросов, которые вы перечислили, что,*

естественно, раздражает, или начинают лезть в душу, что тоже малоприятно. А ведь я не из таких актеров: «Я себя целовал, уходя на работу».

– Доризо? Уточним: «Я ее целовал, уходя на работу, а тебя, как всегда, целовать забывал...» Маме строчки адресованы.

– А, да?.. Но я – о другом: могу пережить, если меня не узнают на улице.

– Не узнают? Вас?!

– Не важно: я могу такое пережить... Что же до настоящего, искреннего диалога – я иду на это только с очень близким человеком. Вот вы можете раскрыть свою душу постороннему человеку?

– У меня прямо противоположная задача.

– А вы поставьте себя на мое место.

– Извините: ставить себя на место другого – не моя, а ваша профессия. И потом, вы ведь сознательно выбрали себе специальность публичного человека?

– Совершенно сознательно.

– Следовательно, давать интервью – ваше дело. Разве что сейчас не повезло: противная баба интервьюировать пришла.

– Между прочим, баба не самая плохая.

– Вот и славно. Мы действительно – к моему сожалению – практически незнакомы. Я, не желая того, наступила на «вдохновенный» больной мозоль? Прекрасно, хоть я и готова извиниться. А теперь перейдем к приятному.

И перешли. Он назвал свой любимый цвет, описал тип женщин, который предпочитает, поделился творческими планами и рассказал о несыгранной роли. И – **в чем** сейчас снимается. После этого И. Костолевский откланялся и ушел к себе в номер, оставив мне почетное право заплатить за кофе...

...Как вы думаете, черный кофе не вреден для здоровья?

Акт 3

«НА БУМАГЕ ПАУЗЫ НЕ ОБОЗНАЧИШЬ»

Со Жванецким, Михал Михалычем, мы познакомились в апреле 1995 года. После прославленной Одесской юморины (1 апреля, кто забыл) ожидалась гастроль Маэстро в Израиле, я загодя, вполне цивилизованно, договорилась с принимающей стороной об интервью и пообещала редактору газеты, с которой тогда сотрудничала, интервью взять, написать и, что самое главное, – вовремя сдать.

Доехав до Израиля, Маэстро интервью дать отказался: устал, не в настроении, журналисты надоели и т.д. Серьезные аргументы? Да, конечно, но только – не для собравшегося выходить на тропу войны интервьюера.

Я вышла на тропу войны.

Позвонив принимающей стороне, я скатилась до элементарного шантажа, пообещав сообщить в эфире

и написать в газете, что интервью не состоялось благодаря элементарному пофигизму продюсера. Несколько часов велись переговоры, несколько часов два израильских и один российский импресарио уговаривали усталого и капризного Маэстро снизойти до вздорной израильской журналистки... Уговорили: Маэстро отпустил для свидания 20 минут. Ну, тут уж, как говорят пианисты, «мне бы девушку только до рояля дотащить, а там уж...».

Приезжаю в Нетанию, поднимаюсь в гостиничный номер. Честно говоря, дрейфлю. Но откуда-то появляется кураж. Мы поссорились, помирились, вновь поссорились, опять помирились... Диктофон включен – всё пишется.

Через два с лишним часа замечаю: «Михал Михалыч, вам, похоже, пора отдохнуть: через час – выступление». Собеседник с удивлением взглядывает на часы, темнеет лицом, досадует: «Да, извините: мне пора».

Радостно приезжаю домой, радостно звоню редактору: «Взяла интервью, дай мне не один разворот, а два». Радостно сажусь за компьютер, радостно включаю диктофон... В четыре утра заканчиваю, перечитываю написанное – о, ужас!..

...Вы никогда не пробовали читать про себя произведения Жванецкого? Бьюсь об заклад: пробовали. Если читаете знакомые тексты – голос автора звучит, помогая. С новыми же, неизвестными текстами возникает

проблема: не хватает голоса, интонации, авторской недовговоренности, пауз, заполняемых смехом зрителей. И вот представьте: передо мной – расшифрованное с диктофона интервью, каждая фраза которого недовговорена...

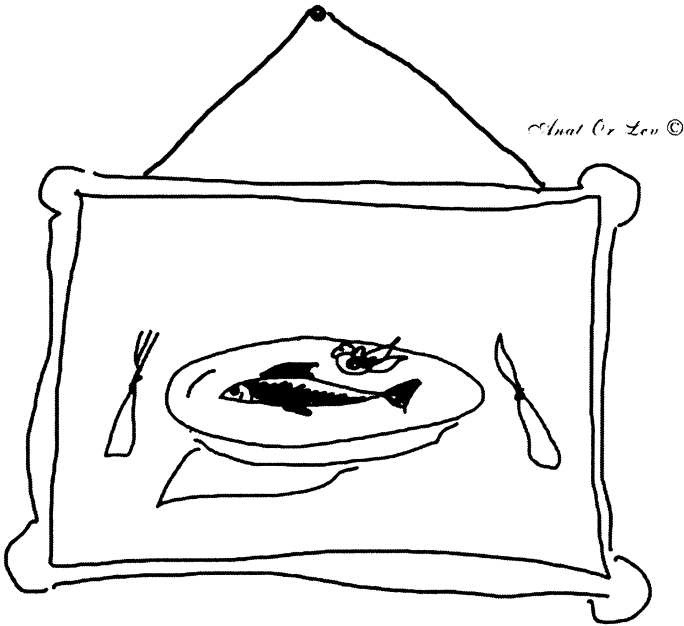
Пришлось внутри каждой фразы – а что делать?! – переписывать Жванецкого (самого!) под Жванецкого. Переписала, опубликовали...

Мне позвонил не сам Маэстро, мне позвонил его верный и многолетний администратор Олег: «Михал Михалыч благодарит вас за интервью. Говорит, наконец нашлась журналистка, которая бережно отнеслась ко всему, сказанному Им!»

(Был еще один похожий случай. Послал меня ответственный секретарь газеты брать интервью у футболиста Александра Полукарова, работавшего тогда в Израиле по контракту. Я, понятно, упиралась: где я – и где футбол? Не помогло. Встретились, поговорили. Вернее, говорила я, а собеседник кивал. Вернулась домой и яростно написала интервью, каким оно могло бы быть, если бы футболист Полукаров являлся оратором. Сдала, опубликовали, ответсек доволен: «А ты боялась!» Звонит Полукаров: «Лиора, спасибо большое! Наконец нашелся человек, который честно написал всё, что я говорил. Слово в слово».)

Но вернемся к Жванецкому. После нашей встречи прошло несколько лет. В очередной праздник дежурю на радио выпускающим редактором. Все программы идут

в записи. И тут коллега приводит Жванецкого – у них прямой эфир. «Здравствуйте, – говорю, – Михал Михалыч!» – «Привет! А ты что здесь делаешь?» Не знал Михал Михалыч, что я с газетами лишь время от времени сотрудничаю. Главное-то – радио... А позже, во время нашей очередной совместной передачи, у него прямо в эфире – на моих глазах и ушах! – родился экспромт. Он рассказывал, что любит Израиль, любит Нетанию, которая напоминает ему Одессу; всегда останавливается в одной гостинице – не самая роскошная, зато – прямо на море.

Любит израильскую кухню. Я спросила, что именно. «Барабулька – маленькая рыбка такая». И дальше: «Вообще люблю маленькую еду, чтобы видеть ее начало и конец».

И – выдержка из того, давнего, интервью:

– Как вам удастся каждую фразу сделать такой насыщенной?

– Еврейский стиль – формулировать кратко, ярко, емко. Это называется: «Возьмите в рамочку – и запомните на всю жизнь». А есть другой стиль. Вы знаете, где находитесь, на чем вы плывете; чем пахнет, когда открывается дверь и появляется какая-то женщина, которую мужчины даже спинами чувствуют, – и напрягаются. Это такой медленный стиль – другая литература, которая мне тоже очень нравится.

– Но вы – не такой...

– Я – такой, какой я есть. Иду по жизни со своей публикой. Немножко отошел от эстрадных авторов, но не подошел к медленной традиционной художественной литературе. Все-таки она гораздо выше – я это понимаю прекрасно. Она – на века, а то, что делаю я, наверное, умрет со мной. На бумаге паузы не обозначишь.

– Существует что-то, перед чем вы бессильны?

– Сейчас идет период взлета любви ко мне и моей ответной любви к публике. Остановиться бы, закрепить – но прёшься дальше. Взрослеешь: вот и шестьдесят празднуешь, и семьдесят. Идешь-идешь, пройдешь

и этот период любви – и снова начнется период охлаждения, а потом новый период чего-то. А ты идешь – и не можешь остановиться в том периоде любви, в котором тебе лучше всего...

Да продлится ваш период любви, Михал Михалыч!

«ТИШЕ, РУССКАЯ!»

...Более обаятельного собеседника мне встречать пока не приходилось. Говоря с Виктюком, пребываешь в уверенности: общение с тобой – высшее счастье прославленного режиссера. Правда, в следующую секунду он может начисто забыть о твоём существовании. И, вероятно, так и сделает: забудет. Просто не узнает тебя при очередной встрече. Но это произойдет потом – спустя две минуты, послезавтра, через месяц. Пока же – сейчас, сегодня, в данное мгновение – ты разговариваешь с Виктюком – и неминуемо попадаешь в мастерски расставленную им энергетическую ловушку, из которой чёрта с два вырвешься!

Итак, встретились с Виктюком. Поговорили, я посмотрела спектакль, написала материал, Виктюк его в Израиле прочесть не успел: уехал. Позвонили друзья из Запорожья: «Слушай, у нас тут гастролирует театр Виктюка, хотим посмотреть». – «Посмотрите, он только что был у нас – любопытно. И спектакль, и сам режиссер». – «Ты, что ли, его интервьюировала? И можно

подойти к Р.Г., привет от тебя передать?» – «Попробуйте; думаю, он меня еще не успел забыть». Ребята перезванивают через неделю: «Слушай, чего ты скромничала? Мы прошли за кулисы: «Роман Григорьевич, привет вам от нашей израильской подруги-журналистки». Он отскочил на метр или два и буквально заверещал: «Ливорочка (так ему больше нравится. – П.К.)? Фантастика! Моя любимая девочка! Мы с ней много чего сделать вместе собираемся. Вы ее друзья? Что ж билеты покупали? Подошли бы к служебному ходу, вызвали б меня – я бы вас провел». Я вовсе не уверена, что он в тот момент понимал, о какой именно «Ливорочке» шла речь...

А то, первое интервью я, естественно, записала на диктофон. Села за компьютер расшифровывать – и вдруг наткнулась на странный диалог:

Р.В.: – Каждый из критиков говорит о себе, а не обо мне – в этом их величайшая трагедия. Умение предугадать вперед и тебе наметить путь – вот задача критика. А Маша Седых реализует только свои комплексы.

П.К.: – По-моему, Маша Седых – это ваш личный комплекс: вторично ее вспоминаете.

Р.В.: – Я ей тридцать раз отвечаю, а она всё равно пишет: «Как же в это можно поверить?» Да я приглашу в Москву героев «М. Баттерфляй» (один из лучших спектаклей Р. Виктюка, который, к сожалению, уже давно снят с репертуара. – П.К.) специально для нее.

П.К.: – А они, герои, действительно существуют?

Р.В.: – Ты что, с ума сошла? Жопа, это реальные лица.

П.К.: – Сам – жопа.

Р.В.: – Тише, русская! Они – живые, и я хочу их всех собрать вместе с актерами. И – с критиками.

Поначалу я хотела убрать это: «ж...а» – «сам ж...а», а потом подумала: «Картинка симпатичная, живая речь – пусть остается». У редактора газеты хватило ума этот мой «оживляж» не вымарать. И тут началось...

В то время на радио РЭКА я вела программу «Вёрстка» – еженедельное обозрение русскоязычной прессы в прямом эфире с участием радиослушателей. Звонок:

– Здравствуйте, Лиора! Вы знакомы с журналисткой Полиной Капшеевой?

– Допустим.

– Я всегда читала ее интервью, а теперь не стану. Судите сами: ваша коллега берет интервью у самого Виктюка, великого режиссера, и, представьте, обзывает его нецензурно. Даже страшно в эфире слово произнести, но я произнесу. «Ж...а». Передайте своей коллеге наше коллективное «фэ».

– Обязательно передам.

Дальше – больше: в Израиль приезжает Ефим Шифрин. Встречаемся: «Ну, ты даёшь! Припечатала Виктюка его «ж...й» – мы с ребятами даже вслух читали».

Наконец, является сам «пострадавший». Спрашиваю:

– Роман Григорьевич, вы наше интервью читали?

– Читал? Один раз? Куда бы я ни приехал – в Германию, Прибалтику, Австралию, – мне говорят: «Р.Г., в местной русскоязычной газете недавно напечатали интервью с вами». Прошу показать – в очередной раз читаю: «Ж...а» – «Сам ж...а!» И подпись твоя...

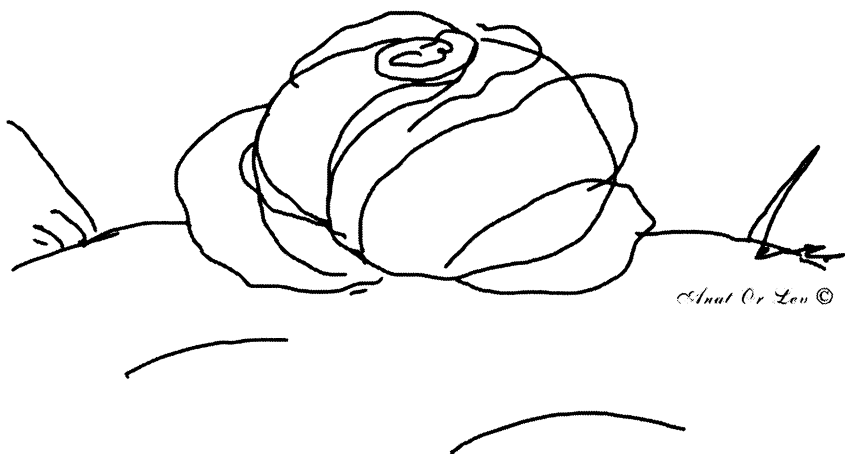
...В Витебске на фестивале «Славянский базар» я вела концерт израильтян. Виктюк привез свой спектакль «Мастер и Маргарита» – «Сны Ивана Бездомного». В фестивальном пресс-центре собрался народ – ждали встречи с Р.Г.

Стою у входа, курю свою трубочку. В плавнях – шорох: по лестнице поднимается Виктюк. Блондин, сопровождаемый свитой, в темных очках, в очередном белом пиджаке с кровавым подбоем... Наткнулся на меня, картинно обернулся на аудиторию:

– Сумасшедшая: из самого Израиля приехала. Всюду меня преследует!

Узнал! Ура!

А у меня, как назло, голос в Белоруссии пропал... Радиация? Смирно сижу в конференц-зале, в тысячный раз слушаю байки Виктюка: «Душа Алисы Коонен белоснежной бабочкой в январе влетела на сцену ко мне, ее любимому ученику»... Замечаю – не только мои многочисленные коллеги засыпают, но и даже Гриша, администратор Виктюка: устал, видно, бедняга, с дороги. Сам режиссер тоже, вероятно, устал: повторяется. Впрочем, не все же слышали эти его дежурные байки. Какая-то дьявольская

сила толкает меня к микрофону «для прессы», слышу окончательно пропавшим голосом сразу три вопроса: «Вы, человек читающий, собрали роскошную библиотеку не совсем конвенциональным способом – расскажите. Второй вопрос – о вашем собственном лексиконе. И третий – с какой радости вы постоянно торчите у нас, в Израиле?» Виктюк встрепенулся, рассказал, как он по миру из библиотек книги воровал и актеров, включая Фрейндлих и Ахеджакову, воровать подбивал; с лексиконом своим матерным слушателей познакомил, а дальше сообщил, что он – не Роман Григорьевич вовсе, а Рувим Гершович, о чем даже якобы сертификат имеет... Народ тотально проснулся, и пресс-конференция пошла по совсем другому, вовсе не формальному руслу, что и было отражено

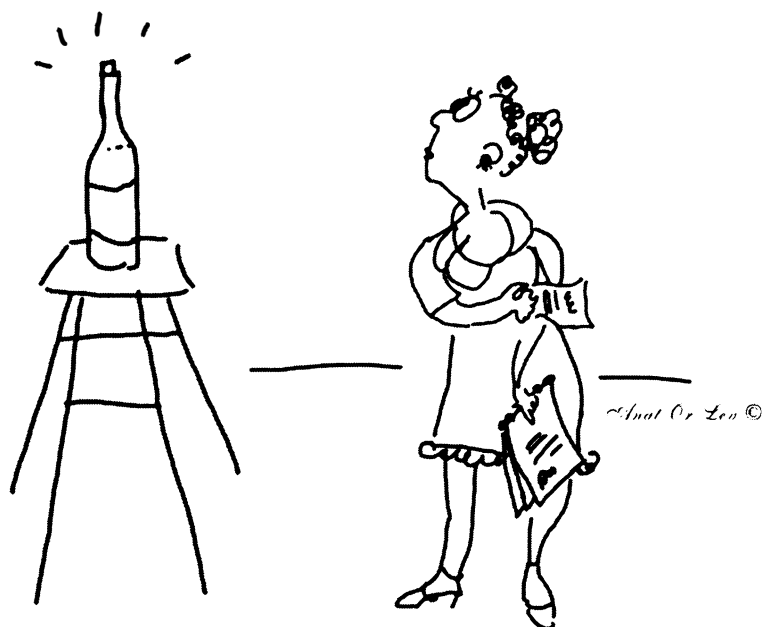
на многочисленных российских сайтах. Я бы на месте Виктюка мне за это шоу большие деньги заплатила. Он, впрочем, рассудил по-своему. Да и чего другого ждать от человека, который коллекционирует разноцветные пиджаки и записывает на телефонный автоответчик всякий раз новые стихи? При этом, как я убедилась на собственном горьком опыте, трубку не снимает никогда.

А «тише, русская!» – это его любимая присказка. Виктюковеды утверждают: маэстро вкладывает в этот странный возглас положительную коннотацию.

Как-то меня попросили охарактеризовать Виктюка. Думала недолго. Головка капусты, с которой обдираешь листья. Разные, красивые. А кочерыжки внутри нет...

«ЗАЧЕМ ПРОДУКТ ПОРТИТЬ?»

Перед самым нашим отъездом в Израиль в Запорожье приехал Чумак. Четыре сеанса во Дворце спорта, причем в афишах оговорено: один сеанс не поможет, нужно посетить все четыре – «и будет вам счастье». Я в это время дорабатывала в местной партийной газете «Индустриальное Запорожье». Вызывает главный: «Завтра пресс-конференция с Алланом Чумаком. Пойдите и сделайте разоблачительный материал». Мне терять нечего, тем более в штат так и не приняли. «Сходить схожу, но материал сделаю честный». – «Нет, нужен негатив». – «Посылайте кого-то другого». Поднимаюсь этажом выше, в «молодежку»: «Хотите?» – «Давай!» В конце пресс-конференции подхожу к Чумаку: «Аллан Владимирович, я вам не верю. Но если убедите меня в том, что вы не шарлатан, обещаю честный материал». – «Слушай, я тебя двадцать лет ждал! Хочешь поработать со мной? Во время сеансов можешь с микрофоном подходить к любому из зрителей, задавать вопросы». Конечно хочу.

Чего я только за эти четыре дня не насмотрелась и не наслушалась! Сахар в крови у людей упал, растения, политые «заряженной» водой, превратились в заросли, рубцы от швов рассосались... В какой-то момент у меня от напряжения и усталости разболелась голова, и в перерыве я подхожу к кудеснику. «Аллан, помаши-те, пожалуйста, над головой: раскалывается». – «Ты что, с ума сошла? Мои пассы на тебя не рассчитаны. Леночка (дочка-ассистентка. – П.К.)! Дай ей таблетку от головной боли!»

Без чудес, однако, не обошлось. Чудотворец подарил мне блокнот, на каждом листе которого расписался. Я давала знакомым листочки, они прикладывали их к больным местам – некоторым помогало (так они говорили). А наша с Чумаком беседа записалась на диктофон частично: были слышны шумы зала и мой голос, а вот Чумака слышно не было. Он произнес задумчиво: «Видимо, было нужно, чтобы мы встретились еще раз». Мы и встретились – уже в Израиле.

Чумак в эфире размахивал руками, сбежались все радийные, принесли воду в различных емкостях. После программы, в буфете, коллега спросил: «А водку вы можете зарядить?» – «Не могу...» Вздыхнув, добавил: «Зачем хороший продукт портить?»

И впрямь – зачем?

ХАЗАНОВ – У НОГ

Хазанов впервые приехал на гастроли в Запорожье. После выступления иду за кулисы записывать интервью для местного телевидения. Муж – со мной. И говорит:

«Сегодня футбол показывают. Болеее? Чего ж в одиночестве? Поехали к нам!» Геннадий Викторович неожиданно быстро соглашается. Погружаем в «жигули» клумбу тюльпанов (сезон!), подаренных зрителями, едем. Останавливаемся в нашем дворе, возле гаражей, выходим из машины, цветы мужчины достают и грузят мне на руки. Кто ж удержит? Тюльпаны сыплются, муж с Хазановым их собирают, кладут мне на руки, цветы падают. Ночь, стою посреди двора с охапкой тюльпанов, они опадают с меня, как осенние листья с дерева – красные, желтые, даже белые; муж с Хазановым ползают у моих ног, собирают цветы, кладут на меня, они падают. Белые, желтые, но в основном – красные...

Люблю тюльпаны, когда Хазанов – у ног!

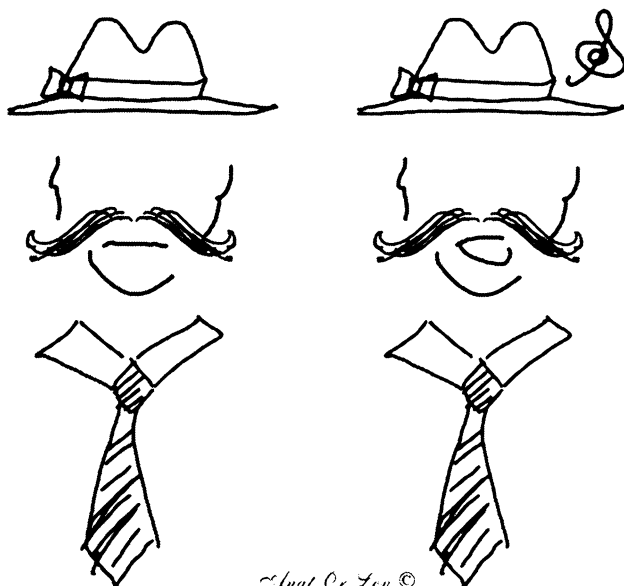
«НИ СЛУХА, НИ ГОЛОСА»

В Днепропетровске снимался фильм «Родня» – и в это же самое время моя мама, адвокат, была в командировке в том же городе. Михалковская съемочная группа и мама в составе следственной группы жили в одной гостинице. Ужинали все в гостиничном ресторане – там была приличная кухня. За одним столиком – мама с коллегами, за соседним – Михалков, Лебешев, Адабашьян... Подходит Никита Сергеевич, весь в белом, обращается к маме: «Простите, можно вас пригласить за наш стол?» – «Нельзя». – «У нас весело!» – «У нас тоже». – «В таком случае могу я вас пригласить на ужин завтра?» – «Завтра я уезжаю домой на выходные: живу в Запорожье». – «Простите», – и ушел. Никуда она не уехала: вечером, после работы, отмечали на природе день рождения одного из следователей. Наутро, за завтраком, подходит Никита: «Мне сказали, что вы не уезжали. Вчера вечером искал вас в ресторане». Мама (в кураже): «Почему вы искали меня в ресторане? Я живу в номере. И вообще, Никита Сергеевич, поищите себе кого-нибудь помоложе!» – «Я узнал,

что вы – адвокат. Странно: ведете себя, как доярка». И ушел к своим.

Выслушав мамин рассказ, я возмутилась: «Он прав: как ты могла?.. И всего-то – за стол звал. Не жалеешь?» – «Не жалею. Уверяю тебя, всех, кто не отказывал, он забыл, а меня запомнил. Представится случай – сама спроси». Через много лет случай представился. Уже в Израиле.

Нас с мужем пригласил к себе в резиденцию Бовин. Думали – просто на обед, оказалось – на Михалкова. Никита Сергеевич, вновь во всём белом, восседал во главе стола и учил, как нам обустроить Россию, а заодно – Израиль. Было... как бы это сказать... странно. Рюмки после третьей он подсел ко мне и спросил, знаю ли, что похожа на знаменитую актрису. Я догадалась: тогда многие говорили, что я похожа на Лайзу Минелли в «Кабаре». Сказала, что он мне тоже напоминает какого-то детского поэта, возможно – Маршака. Посмеялись. «Скажите, а вы помните, как во время съемок «Родни» в Днепропетровске вы приглашали за столик женщину, а она не пошла?» – «Конечно помню. (Мама! Ты, как всегда, была права! – П.К.) Так и не понял, чем я ей не угодил». – «Бывает...» – «А вы откуда об этом знаете?» – Призналась, опять посмеялись. Он: «Скажите, а вы видели мои фильмы?» – «Хотите услышать, что я на них выросла? Впрочем, так и было. Очень я любила ваши картины, особенно – «Неоконченную пьесу...» – «Любили? В прошедшем времени?» – «Да, пока жила в Советском Союзе». – «А что

Quat Or Zen ©

изменилось?» – «В Израиле у меня появилась возможность смотреть кинофильмы, которые в Запорожье не показывали. И, извините, Никита Сергеевич, я поняла, что ваше кино – даже не вторично. Феллини, Бертолуччи, Скорсезе...» Он обиделся и ушел. Ушел на исповедь (высокий церковный чин был тоже приглашен на тот обед). Вернулся часа через полтора. Народ уже был весел: Бовин угощал на славу. И тут – небольшая ретроспектива.

Как-то, еще в Запорожье, я брала интервью у Александра Панкратова-Чёрного. Среди прочего он заявил, что многие путают его с Никитой Михалковым. Прочитав

в моих глазах недоумение, он объяснил: «Я артист – и он артист. Я режиссер – и он режиссер. У меня усы – и у него усы, только у него зубы вперед выдаются. Я пою – и он поет, только у него – ни слуха, ни голоса». Я рассказала дома, все очень смеялись, в наш семейный обиход вошло выражение «ни слуха, ни голоса».

Итак, Никита Сергеевич возвращается, все уже веселы, местная дама-бард играет и поет, мой муж подпевает и расточает дамам комплименты. Михалков к даме-барду: «Лариса, давай на два голоса споем «Невечернюю». Мой муж: «А у вас вообще – ни слуха, ни голоса!» Вскоре мы ушли. А наутро позвонил Бовин: «Вы добивались международного скандала? Забыли, что резиденция посла – российская территория? Напоминаю!»

Обошлось. Без международного скандала. У Бовина было нормальное чувство юмора. Какое у Михалкова – не знаю.

МИР В РОЗОВОМ ЦВЕТЕ

Позвонили местные продюсеры: «Возьми Киркорова в часовую передачу». – «Ребята, я – и Киркоров?..» – «Как Жванецкого со Спиваковым к подъезду – ты согласна? Пришло время и на нас поработать». Что ж, справедливо. Дочка-подросток хочет посмотреть на живого Киркорова, беру ее с собой на радио. Звонят продюсеры: «Опаздываем, потяни время. А у Филиппа два условия. Во-первых, он хочет въехать на розовом (любит человек не только розовые кофточки. – П.К.) лимузине, во-вторых, въехать прямо на территорию радио». Объясняю, что это – не ко мне: во-первых, в моем личном гараже именно сегодня – недостача розовых лимузинов, во-вторых, въезд на территорию радио чужим машинам категорически запрещен. Вторую проблему всё же решаю: договариваюсь с охранниками на воротах («Вчера смотрели программу Цвики Пика? Он гостя принимал». – «А, этот русский? Муж знаменитой певицы? Ладно, пропустим...») Эфир начинается, певец, как и было обещано, опаздывает, тяну время. Наконец появляется – длинный, худенький, тонкие ножки

из розовых шорт торчат, обуты в немыслимые кроссовки, переливающиеся всеми цветами радуги, – именно обувь прославленного певца произвела на мою дочь неизгладимое впечатление. Остального она не запомнила.

Остальное запомнила я. Глаза с желтыми белками, абсолютно ничего не выражающие. Ставлю много песен с дисков, продюсеры меня буквально держат за руки («Только попробуй провокационный вопрос задать!»).

Певец говорит, что не курит, и в течение часа стреляет три сигареты. Ласково задаю уж совсем банальный вопрос: «Филипп, вы – молодой человек, но уже достигли в жизни многого. А – мечта?..» Смотрит на меня желтыми глазами, пауза – соображает. Спасибо, не бьет. Наконец отвечает: «У каждого человека есть мечта. Зимой – чтобы наступило лето, летом – чтобы наступила зима...»

Мне до сих пор неловко за тот эфир...

О, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ГЕРДТ!

...Впервые мы встретились с Зиновием Ефимовичем в 1982 году, когда он выступал с творческими встречами в Запорожье. Я отправилась брать первое в жизни интервью. Провожала меня «на дело» вся семья, мама напутствовала: «Не трусь, будет полный порядок. Зяме привет! Пригласи, что ли, на ужин – хоть накормим человека».

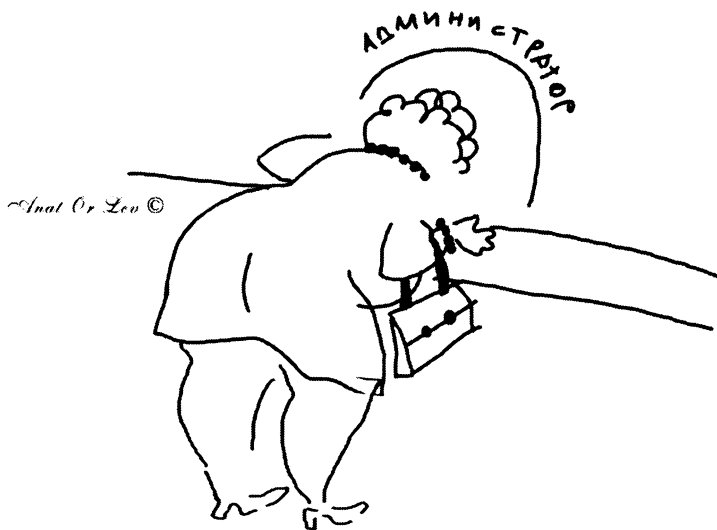
Всё сложилось неожиданно легко. В интуристовскую гостиницу меня пропустили, Гердт был приветлив, острит, рассказывал анекдоты и с готовностью отвечал на многочисленные вопросы, интересовавшие меня в тот момент. Деловая часть закончилась, я передала мамин привет и приглашение в гости. Гердт мгновенно и радостно согласился отужинать. Мы вместе вошли в лифт, и Зяма мгновенно ухватил меня за бюст. Я отпрянула, он объяснил: «Лифтовый рефлекс!»

К вечеру следующего дня стол блистал убранством, яствами и бутылками, ждали гостя, я же тихо злилась на себя, воображая предстоящую трапезу со «свадебным генералом». Сели за стол, выпили – гость похвалился, что

совсем недавно его «вечернюю норму» составляли полторы бутылки водки, но сейчас Тане пообещал... И – пошел треп. Заговорили о чувстве юмора – вот что рассказывал Гердт:

«Вы никогда не наблюдали за людьми, у которых на чистоту отсутствует чувство юмора? Я всегда испытывал к ним нездоровый интерес, более того – коллекционировал. Одним из выдающихся «экземпляров» моей коллекции была Сарра, администратор нашего Театра кукол. Милая, добрая, славная женщина, но шуток не понимала решительно. Все мы ее, конечно, разыгрывали, а я – больше других. Она, правда, не обижалась, а только обещала: «Зяма, тебе это боком выйдет!» И вышло.

Как-то Театр кукол гастролировал в небольшом российском городке. Шло расселение артистов. Я быстро обустроился в своем номере, соскучился в одиночестве и отправился в лобби на поиски приключений. Спускаюсь по лестнице и вижу: стоит наша пышная Сарра, засунув голову в окошко администратора, и ведет напряженную беседу. Понимаю, что вопросы обсуждаются важности чрезвычайной: кого из актеров перевести с теневой стороны на солнечную и наоборот; кого переместить из двухместного номера в трехместный, а кому «по штату» полагаются отдельные хоромы... Вид сзади открывается просто роскошный, и вся эта роскошь обтянута красной блестящей тканью. Идея у меня еще не созрела, но импульс уже

появился – и я несусь по ступенькам вниз. А когда достигаю цели (Сарры), материализуется и идея. Я хватаю нашего администратора за самое выдающееся место, мну, да еще и потрясаю. Класс? Сарра в негодовании оборачивается и... оказывается не Саррой! Могли я вообразить, что есть на свете еще одна женщина с формами подобного масштаба?! Я лихорадочно соображаю, что идеальный выход из ситуации, в которой я оказался, – умереть. И действительно, со мной начинает происходить нечто похожее: сердце останавливается, кровь перестает течь по жилам; я с головы до ног покрываюсь липким холодным потом... Тут добрая

незнакомка начинает меня реанимировать. Она хватает меня за шиворот, не давая грохнуться на пол; хлопывает по щекам ладонью и приговаривает: «Ну-ну, бывает, не умирайте. Ну, пусечка, живите, я вас прошу! С кем не случается – ошиблись жопой!»

Я выжил... Она оказалась доктором химических наук, профессором; большой умницей. Мы с ней подружили все две недели, на которые нас свела в этой гостинице моя проклятая страсть к розыгрышам...»

...А потом он читал стихи; узнав, что мой брат музыкант, попросил поиграть джаз. Вдруг подошел к инструменту и начал подыгрывать. «Нет, здесь немного

~ Anat Cr Len ©

по-другому», – и напел... Английское «It's impossible» перевел как «Нету способа».

Вскоре после этого в беседе с Геннадием Хазановым речь почему-то зашла о Гердте. «Он вам не рассказывал о Байбакове?» – спросил Хазанов. И рассказал:

«В семидесятые годы были в моде встречи членов правительства с творческой интеллигенцией. И вот на одном из таких сборищ председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков, как водится, учил нас петь, танцевать, играть. Вся эта «учеба» проходила во время ужина – столы, естественно, ломились от выпивки и закуски. Когда Байбаков кончил вещать, Зяма (как я заметил, он уже успел изрядно нагрузиться) попросил слова. Речь его прозвучала примерно так: «Большое вам спасибо, дорогой товарищ Байбаков, вы очень многому нас научили. Ваши советы и указания совершенно незаменимы, их важность и актуальность просто невозможно переоценить... Я только позволю себе кое-что заметить. Вы, товарищ Байбаков, были мудаком, есть – и, очевидно, останетесь навсегда».

...А с Зиновием Ефимовичем мы снова встретились уже в Израиле. Он сказал тогда: «Уметь любить чужой талант – это тоже талант». И еще: «Знаешь, что раздражает? Так как я стар, люди меня внимательно слушают, потому что считают очень умным. А на самом деле это не так. Посмотри на меня и крепко запомни: умные люди выглядят как раз наоборот».

Мои воспоминания о великолепном Зяме гуляют в Сети. Как правило – без ссылок на авторство. Что ж, так бывает, когда птенцы выпархивают из родительского гнезда. Летите, голуби, летите!..

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Однажды Дементьевы – поэт Андрей Дмитриевич и его жена Аня – привезли к нам в гости очаровательную Валентину Толкунову. Нужно заметить, что ее сценический образ ничем не отличался от Толкуновой в жизни: мила, остроумна, доброжелательна, проста в общении. Мы провели замечательный вечер, а примерно через год встретились еще раз – в гостях у российского посла. Она была с неизменным жемчугом в косе, в темно-синем костюме – статная, элегантная, достойная. Спели с Басковым «Серебряные свадьбы», а потом часа полтора обсуждали марки красного вина и сорта винограда, из которых это вино делают. Я, честно говоря, даже немного позавидовала такому глубокому проникновению в тему. Причем – обоими. В какой-то момент Валя спросила, когда мы поженились. «У нас летом серебряная свадьба. Совсем по вашей песне». – «Серьезно? – удивилась Толкунова. – Какого числа? Ей-богу, приеду!» – «Милости просим».

Естественно, мы об этом разговоре забыли. Наступил тот самый день, собрались друзья, пьем-гуляем. Получаю эсэмэс. Из-за границы, откуда – непонятно:

*Возможно, мы обряды знаем слабо,
Возможно, мы их стали забывать,
Но русская серебряная свадьба –
Красивей не придумать – не сыграть.*

Звоню Толкуновой: «Валюша, спасибо за поздравление! Как жаль, что вы – не с нами...» В трубке – короткая пауза. И дальше: «Лиорочка, горько, поцелуй Сашу! Жаль, вырваться не смогла. Но, видишь, помню. Всем привет!»

...И только на другой день я узнала, что поздравление прислала Лена Котлинская, наша запорожская подруга...

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ АРАБОМ?

Рассказали мне про израильского араба Мунира Бакри – режиссер, живет в Акко, учился в Киеве, прекрасно говорит по-русски – ну и так далее. «О, – радуюсь, – мой персонаж!» Созвонились, он тут же согласился приехать. Заехал за мной, отправились на радио. А в это утро как раз произошел террористический акт – двое погибших, много раненых. На всех перекрестках – полицейские посты. Останавливают нас, вопросы задают, Мунир злится: «Из-за этих окаянных самоубийц все мы страдаем». Попутно рассказывает о своей непростой жизни.

Итак, родился в деревне рядом с Акко в религиозной (других у арабов почти не бывает. – *П.К.*) семье. Советский Брат протянул руку помощи – мальчик поехал в Киев учиться на режиссера. Там влюбился, женился на актрисе, остался по распределению. Молодая семья поселилась у родителей жены в украинском селе. «В первой половине дня я в кожаных сапогах кормил свиней (запретное животное для араба. – *П.К.*), потом быстро мылся, переодевался и мчался на

электричке в Киев. В театре имени Карпенко-Карого репетировал спектакль по мотивам произведения Шолом-Алейхема «Трудно быть евреем». Наполовину – на украинском, на вторую – на идиш». Родились дети – мальчик и девочка. В какой-то момент Мунира одолела ностальгия, он прихватил жену с детьми и отправился развивать театральное искусство на историческую родину. Но отец поставил жесткое условие: жена Мунира должна перейти в мусульманство. Женщину такая перспектива не привлекла, как и другая – делить любимого мужа с другими женами. Собрав детей (не очень понимаю, как ей их отдали. – П.К.), она вернулась в Киев.

Amal Or Len ©

«Представляешь, – жалуется Мунир, – я даже по телефону с детьми говорить не могу». – «Почему? Ты прекрасно владеешь русским». – «Но они-то говорят по-украински! «Тато, хочемо до ИзраИлю. До бабы – дид вже вмер...»

Отец Мунира действительно не вынес позора и перешел в мир иной. Мунир винит в этом только себя. «И вот беру я бутылку водки (арабам религия пить запрещает. – *П.К.*), гитару; еду к отцу на кладбище. Выпиваю у могилы, плачу, пою под гитару свою любимую песню». – «А какая любимая, Мунир?» – «Виноградную косточку в теплую землю зарю»...

«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЗАЙЧИКА»

Фамилию моей подруги, известного в мире психологов психолога Лены, произнести невозможно. Впрочем – по порядку. Совершенно когда-то русская девушка из Ижевска без всякой протекции поступила на психологический факультет МГУ. Московская молодость Лены, заполненная беготней по театрам и бессонными ночами в студенческом общежитии, совпала с драматическим событием: помещение знаменитой Третьяковской галереи пришло в аварийное состояние, говоря проще – в негодность. Для устранения безобразия советское правительство вызвало в Москву финских специалистов по строительству. Один из них, огромный белокурый юноша с черными бровями, влюбился в тогда еще русскую девушку из Ижевска и увез ее в холодную и неприветливую Финляндию, где овощи и фрукты не имеют запаха, а о кошерном мясе не слышал даже сам их президент. Приняв невозможную для произношения фамилию мужа, моя подруга Лена выучила финский язык, подтянула английский, родила сына Николая и изобрела собственную психологическую систему

по реабилитации умственно отсталых детей. Их – и систему, и Лену в целом – с пониманием восприняли видные психологи из разных стран. В один прекрасный день всё еще русская женщина Лена, успевшая, впрочем, развестись со своим по-украински чернобровым финским блондином, приехала из признанной всеми резиденции Снежной Королевы на международную конференцию психологов в нашу страну. Страну, где фрукты пахнут фруктами, овощи – овощами и не только президент, но даже мой сосед Ичик в любое время (кроме субботы) и в любом месте может купить кошерное мясо. В Израиль Лена страстно влюбилась с первого взгляда («Если здесь хорошо избранному народу, чем плохо мне?»). Вернувшись в Финляндию, Лена с непроизносимой фамилией начала активно сотрудничать с Международным еврейским агентством Сохнут и прямо на месте прошла гиюр (приняла иудаизм. – П.К.). С тех пор еврейская женщина Лена часто приезжает молиться у Стены Плача и читать по-английски свои мудреные доклады на разных психологических конференциях. Однажды мы повезли ее в синагогу. «Как же ты, правоверная еврейка, едешь в субботу в машине?» – ехидно спросила я. Глядя сквозь меня взором, в котором запечатлелась вся еврейская грусть, скопившаяся веками, Лена снисходительно ответила: «Я зажмурила глаза».

Недавно моя еврейская подруга позвонила из Финляндии, где всё еще вынуждена прозябать, и поздравила

с нашим общим праздником исхода из Египта – Песахом. Порадовал и сам звонок, и поздравление, а особенно – важное сообщение. «Я придумала компьютерную игру для умственно отсталых детей. Называется «День рождения зайчика». Высылаю – получишь удовольствие».

Недавно Лена получила израильское гражданство. Надеется переехать окончательно. Ждем-с!

РАДИОПЕРЕБИВКИ
(Как сладостно молчать
в прямом эфире!)

ГОД В СТРАНЕ

Сию на радио в редакции, готовлюсь к передаче, звонок:

– РЭКА? Пожалуйста, объясните, как до вас доехать?

– Зачем?

– Хочу на вас всех посмотреть. Когда у вас приемные часы?

– У нас нет приемных часов, и смотреть на нас нечего.

Лучше слушайте.

– А если у меня вопрос?

– Задайте его в прямом эфире.

– А если я не хочу в эфире?

– Напишите письмо тому журналисту, которому хотите задать вопрос.

– Ладно, диктуйте адрес.

– Тель-Авив, ул. Леонардо да Винчи...

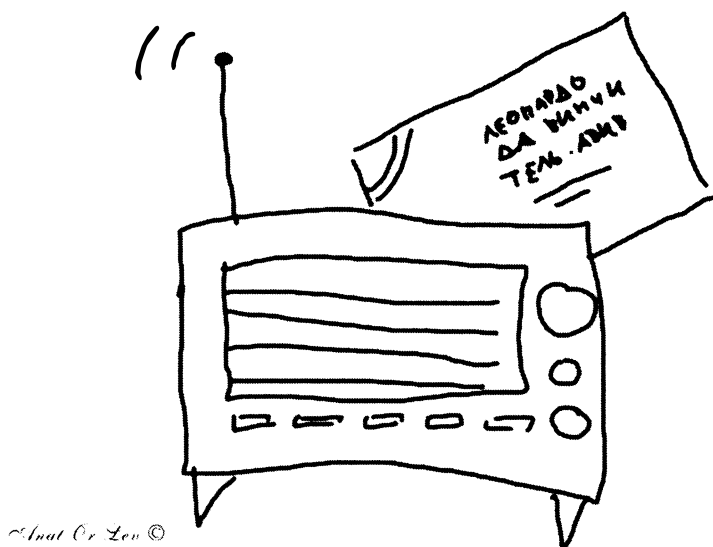
– А как писать «Леонардо да Винчи»?

– Пишите по-русски – дойдет.

– А как по-русски писать?

– Вы не знаете, как по-русски написать «Леонардо да Винчи»?

– Чему вы удивляетесь? Я всего год в Израиле...

На десятилетний юбилей нашего радио по следам вышеописанного диалога бард Миша Волков написал песню «Открытое письмо на радио «РЭКА» (Лиоре Ган – прямо в эфир)». Там были такие строки:

Еще не всё у нас в стране, конечно, радует.

Не до всего мы дотянулись пока.

*Но, слава богу, существует ваше радио,
что позволяет нам отлеживать бока.*

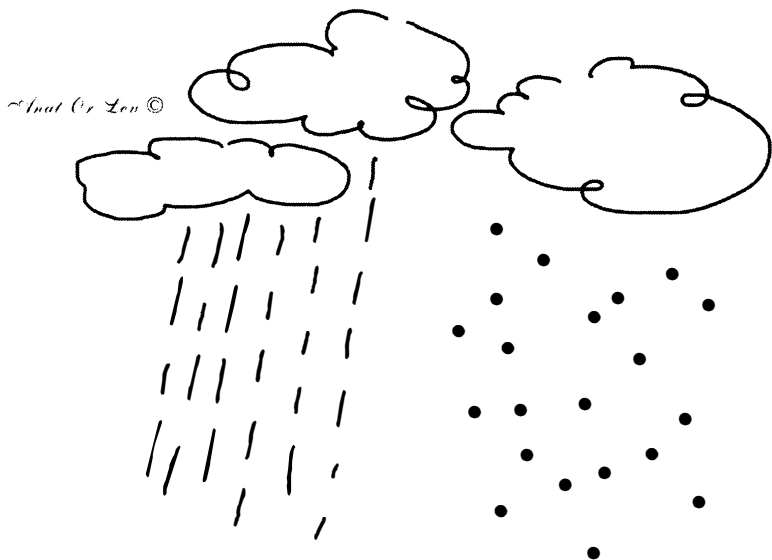
*Хотя я должен заявить со всей суровостью,
что есть причина быть обиженным на вас.*

*Те, кто сидит и сочиняет ваши новости,
должны учитывать желанья наших масс.*

*К примеру, радио включаем утром с тестем мы
(а тесть мой радио послушать не дурак), –
ну что вам стоит нас порадовать известием,
что, скажем, Сирия напала на Ирак.
Свободу слова защищать все так и рвутся тут.
На баррикады – грудь вперед, во всей красе.
Хоть нет в стране у нас легальной конституции,
но нелегально занимались ею все.
Что адвокат у вас выслушивает жалобы –
то хорошо. Но справедливость говорит:
вторую сторону послушать не мешало бы.
Где прокурор!?! Чего он рядом не сидит?
...Но, несмотря на это, я немного взвинченный
и, чтобы высказать вам всё наедине,
приеду к вам на вашу улицу да Винчи... Ой,
а, кстати, кто он? Я ведь год всего в стране.*

ЛИВНИ С ГРАДОМ

Коллега Саша Дов готовит блок актуальных событий. Ассистентка спрашивает: «Ливни в Швеции – первая тема?» Саша удивляется: «С каких пор метеорология занимает

у нас в актуальном блоке первое место? Тем более – Швеция?» А речь-то шла о визите Ципи Ливни в Швецию.

Веду развлекательную программу «Хорошие новости». Ассистентка вносит записку «Град в Ашкелоне». «Во, – говорю в микрофон, – дела! Кто бы мог подумать, что когда-нибудь в июле, среди знойного лета, в Ашкелоне выпадет град? Воистину, у природы нет плохой погоды!» Естественно, шла речь о ракете «Град», которая упала на Ашкелон...

ЗА МИЛЫХ ДАМ!

Идет праздник Ханука. Каждый день ведущий заканчивает эфир словами: «Сегодня весь еврейский народ зажигает очередную ханукальную свечу и произносит благословение», – и по его команде звукооператор ставит пленку с сорокасекундной молитвой.

Коллега читает объявления, мы со звукооператором и ассистенткой в аппаратной его не слушаем: болтаем. Оператор отвлекается от очередной животрепещущей темы и говорит ведущему в переговорное устройство: «Не забудь: есть одна реклама и еще молитва. Оставь время». Тот кивает. Продолжаем болтовню. Коллега дает оператору знак, оператор врубает рекламу, коллега подсказывает. Оказывается, он забыл о рекламе, объявил молитву (а мы по-прежнему не слушали), подал знак... В эфире прозвучало: «Сегодня весь еврейский народ зажигает очередную ханукальную свечу и произносит благословение. И дальше – «молитва»: «За милых дам, за милых дам!... Михаил Шуфутинский – снова в Израиле!»

ГЛАМУР

В то благословенное время, когда я была лет на пятнадцать моложе и килограммов на восемь худее, знакомая портниха сшила мне шелковый костюм. Лиловая с изумрудной отделкой блуза, изумрудная с лиловой отделкой юбка-клёш – прямо «Адажио Альбинони» (композиция для органа и струнных, которую, как выяснилось, сочинил вовсе некий Джадзотто, и не в старину, а в 1958 году. – *П.К.*). Пробегаю мимо витрины бельёвого магазина, а там – трусики, лиловые с изумрудной отделкой. Купила, конечно. Прихожу во всём этом великолепии на работу – не перед кем похвастать: ассистентки куда-то разбежались, один Мордехай Кармон в студии. Делать нечего, залетаю прямо во время прямого эфира, юбку-клёш задираю на голову: «Марик, смотри!» Тот едва успевает микрофон отключить: «... твою мать!» Мчусь в редакцию. Там – Миша Гильбоа, один. Проскакиваю мимо него, он – спиной к двери, я – спиной к окну, лицом к Мише, юбку-клёш – на голову: «Миша, смотри!» – «... твою мать!» В это время дверь открывается

и в комнату входит незнакомый религиозный человек. В кипе. Ошарашенно, но и восторженно произносит: «... твою мать!» С тех пор мы с Давидом Шехтером нежно дружим.

КУРИЦА ИЛИ ЯЙЦО?

Дора, моя бывшая начальница на радио, впоследствии – чрезвычайный и полномочный посол Израиля в России, решила сварить бульон. Забросила, как водится, в кастрюлю курочку, кореньев, лаврушки, приправ. А кто-то ей

Ant Or Len ©

посоветовал положить еще сырое яйцо прямо в скорлупе: якобы, если оно в бульоне варится, конечный продукт выходит еще прозрачней. Желтенький такой, красивый. Дора, отменная, кстати, кулинарка, решила попробовать. Поставила она кастрюлю со всем этим великолепием на огонь, а тут звонок – зовут на важную деловую встречу. Муж с работы вернулся, Дора и говорит: «Эли, бульон варится. Минут через двадцать попробуй на соль и выключи». Сидит Дора на переговорах – звонок. Муж, заикаясь: «Слушай, Дор, курица в бульон яйцо снесла...»

«ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ»

Именно так называется программа, которую мы еженедельно ведем на радио с астрологом Нелли Фридман с мая 1991 года (со дня рождения радиостанции РЭКА). А началось всё весьма мистически.

Узнав, что я прошла по конкурсу на радио, я помчалась в «Книжную лавку» к Шеме Принц: «Шемуля, доставай свою заветную записную книжку, диктуй телефоны всех интересных людей!» Мы переписали ВСЮ книжку, но позвонила я только одному человеку.

Как-то мельком я встретила у Шемы Нелли и ее мужа, астролога же, Эмиля – и почему-то запомнила. Собственно, понятно почему: Нелли выглядела не по тель-авивски и вообще необычно – черные широкие брюки, расписная свободная блуза, длинные яркие серьги, кольца...

Нелли удивилась моему звонку: «Программа на радио? По-русски? Вообще-то мы с мужем давно перешли на иврит. Впрочем, я подумаю. Пожалуйста, перезвоните». Уже потом я узнала, что Нелли посоветовалась с мужем, а тот пришел в недоумение: «Зачем это тебе?» Но она

решила рискнуть. Поначалу мы записывали пятнадцатиминутные программы, чистили их, «варили» – Нелли действительно утратила русский. Постепенно программа становилась всё более популярной, расширилась до получаса, и, думаю, нет сегодня «русского» израильтянина, который не знал бы имени Нелли Фридман. И русский ее вполне восстановился.

Но вернемся в год 1990-й, когда еще никакой РЭКИ не было и в помине, а я, свежеприбывшая, училась в ульпане. Кто-то из соучеников принес объявления, что в газете «Хадашот» требуются журналисты, пишущие по-русски. Я, разумеется, помчалась. Приняли, дали задание: сделать репортаж с ярмарки трудоустройства. Тогда подобные мероприятия были в моде: собирались работодатели, из ульпанов организованно привозили новых репатриантов, являлись политики, улыбались на камеры, кто-то действительно находил работу, чиновники ставили галочки. Наш багаж с моим диктофоном еще не пришел. Прихватываю громадный японский двухкассетник, который привезла с собой, еду на ярмарку. Слоняюсь без дела, понимаю, что трачу время зря – ничего интересного. Правда, успела познакомиться с одним из организаторов мероприятия. Приехал давно, но русский еще не забыл. Поболтали, уже собралась уходить, но тут толпа буквально занесла меня в какую-то комнату. Оказалось, там – пресс-конференция с главой правительства, Ицхаком Шамиром. Сажу где-то сзади, легкомысленная девица в короткой голубой юбке

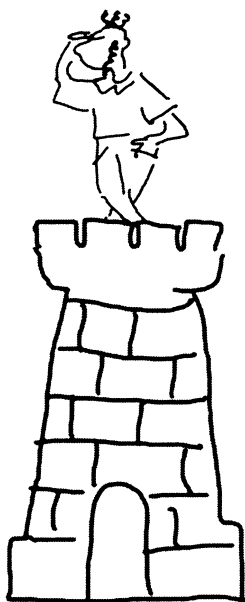
и с большим магнитофоном. Иврита еще не выучила, английский уже забыла – что я здесь делаю? Народ вовсю общается с премьер-министром, а я злюсь: упускаю такой шанс! Смотрю – уже сворачивают аппаратуру. И меня прорвало. На чудовищном иврите выкрикиваю с места: «Можно вопрос, но – по-русски?» Присутствующие взрываются хохотом (в те далекие времена «русские» журналисты были в диковинку), но тут мне на помощь приходит тот самый организатор, приехавший давно, но не забывший язык: «Чему вы удивляетесь? Здесь действительно присутствует журналистка из русскоязычной

газеты». Шамир говорит: «Хорошо, пусть она подойдет». Подхожу со своим японским драндулетом, рассматриваю премьер-министра. Крошечный такой, с большой головой – недаром его Редькой прозвали. И еще – Господин «Нет»... Телевизионщики вновь расчехляют аппаратуру, задаю вопрос, его переводят, получаю ответ, приношу своему редактору настоящую сенсацию. На следующее утро израильские газеты на иврите выходят с заголовками: «И вдруг русская журналистка...»

Прошел год, окончилась Война в Персидском заливе, правительство открыло нашу радиостанцию. Появилась, как я уже рассказывала, программа «Люди и звезды». Вызывает меня начальница: «Слушай, а программу-то придется закрыть. Ничего не имею против Нелли Фридман, но у нашего радио совсем другие задачи. Приезжие должны поскорее познакомиться с местной жизнью. И какое отношение к этому имеет астрология?» Жаль, конечно, но что я могу поделать? А тут приезжает к нам Шамир, дабы посмотреть на дело рук своих. Сидим, каждый рассказывает о себе. Доходит очередь до меня. «А мы, – говорю, – уже знакомы». Напоминаю тот случай с ярмаркой. Вспомнил (или сделал вид, что вспомнил), улыбнулся: «А чем на радио занимаешься?» Говорю, что делаю разные развлекательные программы, была еще «Люди и звезды», но ее отменили. «Отменять, – говорит глава правительства, – ее никак нельзя. Ты же сама – звезда!» И судьба программы была решена. Пока – на два с лишним десятилетия.

ВСЯ ДАЛЬ – В МИГ

Приходит ко мне на радио человек. Качок, весь в наколках и с богатой фамилией Рабинович. «Я, – говорит, – словарь написал. «Иврит без иврита». Смысл в том, что

W

Anat Or Zen ©

✓

язык учить не нужно: помогут ассоциации». Предлагаю продолжить разговор у микрофона.

Прямой эфир. Прошу привести пример ассоциативного мышления (запоминания?). Говорит: «Например, «миг-даль» (башня – иврит). Если вы заберетесь на высокую башню, в один миг увидите всю даль». Осторожно интересуюсь: «А как запомнить эти ассоциации?» – «Лиора, я думал, вы умная, а вы – такая же дура, как все. Ассоциации не запоминаются, они ассоциируются!» После программы пожаловался, что для полного счастья ему недостаёт пятидесяти шекелей, продал мне за них перламутровую шкатулочку с красными кораллами внутри («Из Афгана привез!») и исчез из моей жизни. Навсегда.

ЗАМЫКАЯ КРУГ

Давным-давно, до Войны в Персидском заливе, когда еще нашей РЭКой и не пахло, взяла у меня интервью Дина Фиалковская (в эфире – Даниэла Линор). Актриса, красавица, киевлянка, она когда-то бежала в Израиль через Польшу и много лет работала диктором и ведущей в русском отделе радио «Коль Исраэль». Вещали они на Союз, а в 1990-м кто-то Дине рассказал о бойкой репатриантке, которая еще учится в ульпане, но уже преподает израильтянам русский язык и публикуется в газетах. Словом, интервью состоялось, и Дина рассказывала: ходят слухи, что собираются открыть радиостанцию на русском, которая будет работать круглосуточно. Не хотела бы я попасть на конкурс? Я не хотела: работала в газете и вообще... Но к тому времени, как начался конкурс (он официально не объявлялся), я успела лишиться работы в газете и пребывала в унынии. Дина меня с трудом разыскала (смешно сказать, на нашей съемной квартире не было телефона!) и вызвала на конкурс.

Anat Or Len ©

Конкурс я прошла, 26 мая 1991 года радиостанция РЭКА начала вещание. А через год, накануне Дня Победы, Дина спросила: «Может, у тебя есть знакомый ветеран, который связал бы пару слов в моей программе?» – «Есть – папа». – «Он хорошо говорит?» – «Дина, он – профессор философии, на его лекции сбегались студенты из всех вузов. А если будешь себя хорошо вести, прихватит свой трофейный аккордеон и споет тебе песни военных лет». Передача получилась блестящая. Выходят эти двое из эфира – оживленные, довольные, глаза блестят. Папа Дине ручки целует, комплименты говорит: «Конечно, такие красивые девушки только у нас, в Киеве, могли быть».

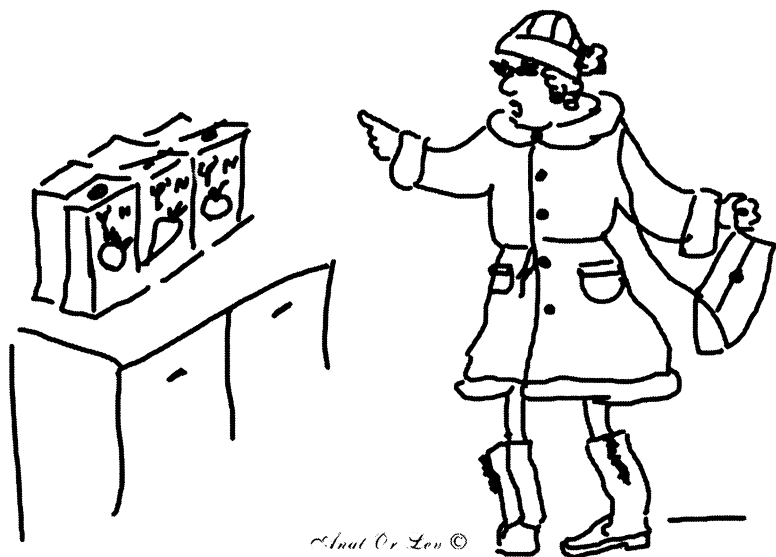
Наверное, и общих знакомых найдем. Хотя ты молодая... А в какой школе училась?» Дина отвечает, и с отцовского лица буквально сползает улыбка. «А кто у тебя математику преподавал?» – «Гина Менасьевна Шмелькина». На следующий день Дина принесла мне фотографию: стойка девочек в школьной форме (раздельное обучение), в центре – Дина с белыми бантами, рядом – учительница. Маленькая женщина с короной из кос вокруг головы. Гина Менасьевна Шмелькина. Папина мама. Моя родная бабушка.

**«А ПОТОМ УЖ ПРО МЕНЯ –
В ЧАСТИ «РАЗНОЕ»**

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

Известный отказник Натан Щаранский в должности министра промышленности и торговли Израиля впервые «въехал на белом коне» в Москву зимой 1997 года. Его сопровождала большая группа израильских бизнесменов, промышленников, депутатов Кнессета и журналистов. В эту компанию посчастливилось попасть и мне. Поездка оказалась напряженной, довольно утомительной, но невероятно интересной.

Во время встречи с Щаранским в Доме кино яблоку негде упасть. Вениамин Смехов подпирает стенку: места в зале не хватает. Едем в Останкино – Натана (Анатолия Борисовича) снимают для программы «Час пик». После съемки подхожу с каким-то вопросом к ведущему, Сергею Разбашу. «Здравствуйте, – говорит, – Лиора!» – «Ого, – думаю, – и здесь меня знают?» Поговорили, делегация отправилась в ресторан обедать. Снимаю дубленку, отдаю гардеробщику. «Приятного аппетита, Лиора!» Ничего себе!.. После обеда едем в Фонд Ролана Быкова. Подхожу поздороваться к хозяину. «Как поживаете, Лиора?»

Начинаю тихо сходить с ума... И только проходя мимо зеркала, обнаруживаю на свитере бейджик с моим собственным именем.

По дороге заскакиваю в супермаркет за соком. Громадный отдел, масса упаковок, глаза разбегаются. На помощь приходит продавщица: «Справа в углу – ваши соки». – «Что значит – «наши»?» – «Израильские». Совершенно обалдев, бегу, хватаю сок, плачу, вылетаю – меня ждут в автобусе... Много лет пыталась разгадать загадку и, кажется, сообразила наконец, в чем дело. А дело в том, что полетела я в Москву в маминой канадской дубленке, давно вышедшей из моды, и в маминых же теплых сапогах

фирмы «Саламандра», тоже далеко не из последней коллекции. В Израиле, понятно, эти вещи негодились, но выручали многих наших знакомых, которые зимой отправлялись на бывшую Родину. Дошла очередь и до меня. И прозорливая продавщица, видимо, догадалась, что в таком виде женщина, говорящая по-русски, может прибыть только из теплого Израиля, где подобная одежда не нужна. Во всяком случае, другого объяснения у меня нет: никаких надписей на иврите на мне в тот момент не было.

«ДУРА ЛЕ ВИТА»?

(«Жизнь тяжела» – итальянский. – П.К.)

Путешествуем с друзьями по югу Италии. Очаровательный регион Базиликата – зелень, горы, вода, абрикосовые и черешневые деревья на обочине по всему пути следования (с оранжевыми и бордовыми спелыми плодами!). Простая вкусная еда; простое вкусное домашнее вино (красное, белое, розовое); простые милые неторопливые люди.

Занесло нас в селенье Ротонделла. Поднимались по спирали на высоченную гору – страх! Прибыли. Доехали до «центральной площади» – крошечного пятачка, на котором было полно итальянцев, в основном – мужчин (мы так и не поняли, когда на юге Италии местные работают). Вероятно, до этого крутого места редко добираются туристы – наш приезд, похоже, произвел впечатление на аборигенов. В центре площади – лоснящийся от пота полицейский. Человек – при исполнении, лихорадочно ищет, чем бы себя занять, а тут – мы... Оживился, помог припарковаться, спросил, откуда мы, – пришел в восторг.

Услышав, что я – журналистка, пришел уже в экстаз и повел нас... в полицейский участок. Надарил открыток, эмблем, почтовых карточек. Тут мы, поняв, что задержание нам не грозит, поинтересовались, где можно вкусно пообедать. Наш новый друг повел нас закоулками к своему другу, владельцу ресторанчика. Не отказавшись от аперитива (красное домашнее), наш новый друг ушел по своим полицейским делам, а мы остались обедать.

Вид с балкона – обалдеть, ресторатор – «люби меня», из посетителей – мы и пожилая пара итальянцев с пуделем. Пенсионеры, путешествующие по всей стране с любимой собакой в трейлере. Гурманы. Пока мы ждали своей пасты, им принесли картошку с жареной птицей. Владелец ресторана объяснил: они еще вчера заказали курицу, еще

Anat Or Lev ©

вчера она бегала... «А вы не хотите кролика? Оставайтесь до завтра – приготовлю. Сегодня он еще бегаёт». А затем принес на кружевных бумажных салфетках четыре предмета, похожих на шоколадные трюфеля. Я подержала предмет в руках, понюхала – пахнет землей и еще чем-то. Оказалось – грибы трюфели, которые добывают (вырывают из земли) хозяйские собаки. Дальше «любим меня», воодушевленный вниманием и восторгом аудитории, поместил грибы в стеклянную банку, где уже их ждали два крутых яйца, и закрыл банку крышкой. Объяснил, что завтра яйца приобретут вкус и запах трюфелей – умные пожилые итальянцы заказали. Это так – штрих. Вообще же на юге Италии было жарко, спокойно и очень красиво. В смысле природы. И не похоже, что тяжело живут простые итальянцы.

СВИДАНИЕ В САМАРЕ

Была у меня как-то в эфире интересная женщина, туристка, жительница Самары Ира Коган. В конце программы, когда начались прощания, говорит: «Лиора, приезжайте к нам в Самару!» – «Спасибо, но нет шансов: чего это меня из Израиля занесет в Самару?» Вскоре после этого вдруг получаю по электронной почте письмо от главного редактора самарского журнала «Performance» Татьяны Самойловой. Просит писать интервью для своего издания (она меня в Интернете нашла. – П.К.). Я начала с ней сотрудничать, и мы накрепко подружились. Таня спрашивает, когда я наконец приеду. Отвечаю, что вроде повода нет. Тогда Танюша идет к представителю Сохнута в Самаре, Алексу Войлеру, и просит меня пригласить. Тот показывает ей список, в котором я – первая...

Прилетаю, встречают, привозят, поселяют, везут на выступление. Первый человек, которого вижу в фойе, – высокая статная женщина в черном с одной красной розой в руках – моя Татуся Самойлова... После объятий входим в переполненный зал. В первом ряду замечаю

улыбающуюся Иру Коган. Начинаю выступление: «Однажды Раб пошел на базар. Он должен был купить всё для торжественного ужина, который устраивал его Хозяин. Неожиданно в толпе он увидел Смерть, и она ему подмигнула. Раб в ужасе прибежал домой: «Хозяин, мне подмигнула Смерть! Я должен от нее сбежать – отпусти меня к родственникам в Самару!» Хозяин, понятно, отпустил Раба. А вечером того же дня он устраивал торжественный ужин в честь Смерти. И во время десерта спросил: «Смерть, зачем ты напугала моего Раба?» – «И не думала! Я просто хотела ему напомнить, что завтра у нас с ним – свиданье в Самаре!»

А Таню Самойлову я всё дергала: «Татуся, быстрее, шевелись! Мы опаздываем!» – «Чего ты от меня хочешь? Я же волжанка...» И потом, уже в Израиле, родилась штучка под названием:

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ РАВНОДУШИЕ НИДЕРЛАНДОВ (ночные письма к самарской подруге)

Письмо первое

Здравствуй, дорогая Татуся! Пишет тебе из Израиля твоя подруга Лиора. Сегодня – в порядке исключения – речь пойдет не о нашей маленькой, но гордой стране, а о невозмутимо-самодостаточной Голландии.

Провела я упоительную отпускную неделю в этих самых Нидерландах, а теперь вернулась из прохлады на задыхающуюся от хамсина родину, и ой как не хочется садиться за компьютер!.. Но ты в своем самарском далеке ждешь моего подробного отчета. Приступаю.

Мои друзья – дипломат Дима Марков и его жена Таня, твоя тезка, – пригласили в гости (Дима – посол Украины в Голландии). Я оформила отпуск, бросила в чемодан куртку, две блузки, зубную щетку, зонтик и зачем-то

купальник, расцеловала родных и полетела в страну гусей и пива.

Я не буду рассказывать о том, о чем можно прочесть в любом справочнике: о Делфте с его фарфором (Пётр Первый привез секрет этого фарфора в Россию – так появилась гжельская посуда), о Спинозе, Рембрандте, Алкмаре с его Музеем сыра, Харлеме с могилой Франса Халса, Лейдене с его университетом, об амстердамских кофешопах, где узаконено курение «дури», о «красных фонарях». Тем более что на улицу «красных фонарей» я не попала. Совсем как у Довлатова: «В санатории мужчин было мало – многие девушки уехали, так и не отдохнув». Еще не буду описывать фестиваль тюльпанов – по той простой причине, что я на него попросту опоздала (говорят, тюльпанов только оранжевого, национального цвета было четырнадцать видов). Зато мне посчастливилось поспеть на «новую сырую рыбу» – так голландцы называют малосольную селедку, по вкусу напоминающую иваси... Глаза слипаются, целую, завтра допишу.

Письмо второе

Привет, Татуся! Итак, вчера мы остановились на селедке.

Ты, конечно, знаешь о фестивале французского молодого красного вина божоле, который ежегодно проводится в третий четверг ноября во всем мире. А уж во

Франции это мероприятие превращается в настоящее театрализованное шоу. Примерно то же голландцы проделывают со своей селедкой. К празднику тщательно готовятся, во всех городах сооружают «селедочные» памятники – некие конструкции из бочек. До дегустации рыбы «нового урожая» снисходит сама королева Беатрикс (ты ведь не забыла, что в Нидерландах – монархия?). Ее величество при огромном скоплении народа берет двумя перстами разделанную тушку, запрокидывает голову, опускает в рот лакомство – и определяет, годна ли недавно отловленная малосольная продукция к употреблению.

После одобрения королевы начинается сущая вакханалия. На всех углах продавцы прямо на глазах любителей селедки, коими является всё население страны поголовно, разделявают «новую рыбу» «что подорванные», по меткому выражению Тани Марковой. А дальше сельдь посыпают мелко нарезанным репчатым луком и кусочками маринованных до сладости огурцов, и потребители тут же, не отходя от кассы, дружно запрокидывают головы. Я тоже научилась, чем снискала одобрение продавцов.

Вообще-то, говоря об одобрении, я несколько погорячилась: это проявление чувств, пожалуй, для голландцев слишком сильно. Их отношение к себе подобным я бы назвала «доброжелательным равнодушием». То есть если спросишь дорогу, тебе любезно объяснят, куда идти, даже проводят до угла, но совершенно очевидно: людям нет до тебя никакого дела. Голландцы спокойны, довольны собой, расслаблены... Помнишь анекдот? Один новый русский приглашает другого выпить, покурить травку, попариться в бане с девочками – и на всё получает отказ. «Чувак, как же ты расслабляешься?» – «А я не напрягаюсь...» Так и голландцы. Как мне показалось, они в чем-то сродни своим невозмутимым коровам, пасущимся на бесконечных и однообразных зеленых равнинах (ни горочки, ни холмика!). Коровы эти дважды в день принимают душ и дают потрясающе вкусное молоко. Одна моя коллега, побывав в Голландии,

заметила: «А коровы там такие, что с ними просто хочется целоваться!» Мне целоваться не хотелось, но коровы действительно приятные. Местные жители говорят: «Если коровы вам кажутся красивее женщин – вы в Голландии...» Целую тебя, родная, не напрягайся. И – до завтра. Твоя я.

Письмо третье

С добрым утром, волжанка! Итак, о чем мы? Ах да – о красоте.

Действительно, красивые женские лица, в отличие от красивых мужских, встречаются на голландских улицах нечасто. Впрочем, возможно, красавицы по улицам не ходят, а сидят в своих замках или ездят в роскошных машинах. К замкам мы еще вернемся, а пока – о сувенирах.

Тебе не приходило в голову, что именно по национальным сувенирам можно судить о моральном и идеологическом здоровье страны? Суди сама. Что везут из Москвы? Матрешек, более или менее копирующих бывших и нынешних вождей. Из США моему мужу привезли металлическую бляху с надписью «Шериф». Лучший сувенир из Франции – акварель с Монмартра или пластмассовое подобие Эйфелевой башни. На специальной полочке в моем кабинете стоят: английский домик-чайничек, привезенный из Лондона, каменный

прибалтийский чёртик, африканское карликовое деревце, на которое удобно развешивать бусы. Из Санкт-Петербурга мне привозили знаменитые консервы «СНАТКА» и горький пористый шоколад, из Канады – грустного фарфорового медвежонка, из Украины – графин для водки в виде казака... В Копенгагене, кроме единичных фигурок Русалочки, магазины сувениров встречают туристов оторванными ногами, громадными накладными ушами и носами, прыгающими женскими грудями, позолоченными и посеребренными фаллосами всех размеров... А рядом – детские мячики, кубики, шарики, пазлы... В Норвегии – совершенно другая картина: свитера с орнаментом, олени шкуры, дорожные знаки с изображением всё тех же оленей и, конечно же, – тролли. Маленькие, большие, с сертификатом и без, мужчины, женщины, дети – царство троллей. Большое спасибо тебе за царский чай, который ты мне передала с Марком. Правда, он (они: чай с Марком) до меня еще не дошел, но надежды не теряю... Из Израиля везут иудаику, косметику с Мертвого моря, свечи из храма Гроба Господня. А что привезти из Нидерландов? Сыры, копченого угря, ту же селедку (если довезешь!), бело-голубые фарфоровые фигурки, деревянные башмачки и, конечно же, тюльпаны. Луковицы в горшочках и башмачках, косынки и шарфы, расписанные тюльпанами, цветки нарисованные, шелковые; стеклянные, оловянные, деревянные (кстати, известно, что некоторые сорта тюльпанов

Нидерланды покупают в Израиле; голландцами эта информация, понятно, не афишируется). Красивые, умиротворенные сувениры – за эту страну можешь быть спокойна...

И ночь твоя пусть будет спокойной! Завтра продолжу, целую.

Письмо четвертое

Шалом, Татьяна! Знаешь, что меня невероятно достаёт? Человеку, вернувшемуся из дальних странствий, необходимо... отпуск. Акклиматизироваться чтоб, спокойно вникнуть в местные реалии, от которых успел отвыкнуть, подготовиться к работе; в конце концов – вновь въехать в израильский шум и гам!.. Но нет, увы, у меня дополнительного отпуска, зато шум-гам в Израиле присутствуют сполна. Твоя тезка, моя «голландская» хозяйка, поделилась наболевшим: «Всё здесь, в Гааге, чинно-благородно, чисто-красиво, но за два с лишним года – ни одного скандала! Представляешь?» Скучно живут голландцы. Если надо встать в очередь (в банке, магазине, аэропорту) – стоят послушно и тихо, а в пробке дорожной никто не сигналист. Разве что чемпионат по футболу способен вывести этот народ из равновесия. Когда они (при мне) выиграли, среди ночи за окнами стоял дикий ор, машины мчали своих водителей пить пиво... «Батюшки, – подумалось, – может,

я дома?» Правда, когда они следующий матч проиграли, поражение перенесли тихо. В этот вечер мы с Танюшей в Делфт поехали – вымер город, даже блинов в фирменном кафе нам не дали: извините – футбол. Нацепил народ оранжевые майки и оранжевые же колпаки, всюду воздушных шаров повесили, словно апельсинов, в кафешки понабились: футбол смотреть под пиво. Лишь бы не работать, лишь бы не дать приезжим полакомиться местными блинами! Тьфу! Сесть бы на велосипед и укатить подальше – туда, где счастье... Но нет его на свете, а есть, по уверению классика, лишь покой и воля.

...А велосипеды – дело хорошее, особенно если живешь в абсолютно равнинной стране. Как-то вечером хозяева оставили меня в одиночестве: их пригласил на ужин какой-то крутой голландский дипломат. Позвонил, ознакомил с программой: «Приезжайте ко мне домой на аперитив. Потом на велосипедах отправимся к морю, поужинаем в ресторане». Да уж, сделали они культ из велосипедов! Представь: суперстильная дама в шляпе и плаще со шлицей едет на велосипеде под зонтиком. Паркуется у Королевского музея, наслаждается знаменитыми произведениями голландцев XVII века, вновь садится на велосипед, уезжает... В Амстердаме центральная велосипедная стоянка размещается в девятиэтажном здании. Да что там – сама королева на педали жмет. Оно и правильно: не всё ж на лошадях скакать!

О голландской монархии – разговор отдельный, но отложим его на завтра: пора спать. Целую тебя, доброй ночи, до завтра!

Письмо пятое

Привет! Я еще не утомила тебя своим долгоиграющим рассказом о Нидерландах? Потерпи: осталось уже не так и много. Итак, голландская монархия.

Несколько месяцев назад весь голландский народ в едином порыве скорбел: ушла в мир иной королева-мать. Церемония прощания состоялась в церкви, в которой находят пристанище все усопшие монаршие династии Оранжских (отсюда – оранжевый цвет!). Королева-мать, мать трех дочерей, не без черного юморочка завещала: на ее похоронах все должны быть в белом, всем предписано веселиться и еще желательно, чтобы спела ее дочь. Правящая королева вокальными данными (в отличие от политических, говорят, она – классный политик) не обладает, пришлось петь ее сестре. Рассказывают, что она сделала это вполне профессионально. И тут же священница (как ты думаешь, в русском языке есть такое слово?) произнесла проповедь. Оказывается, усопшая была человеком несчастным. Суди сама: с пеленок королева-мать знала, что она – не такая, как все. Пошла в школу, где, кроме нее, учились еще пять девочек, – и вновь почувствовала себя изгоем: девочек привозили в школу и увозили из нее

в одной карете, а ее, будущую королеву-мать, – в другой. А однажды, когда воспитатели замешкались, она подошла к своим соученицам – и разразился грандиозный скандал: негоже королеве общаться со всяким сбродом типа принцесс... Лишь однажды королева-мать почувствовала себя счастливой: горел город, ей выдали резиновые сапоги и ведро, население передавало друг другу ведра с водой, она, сливаясь с народом, передавала тоже...

Неладно что-то в голландском королевстве. Одному из сыновей ныне правящей королевы Беатрикс не так давно пришлось отречься от будущего престола: он женился на девушке, которую Парламент на своем заседании осудил за сомнительное прошлое. Второй сын, кронпринц, тоже женился, и вдруг выяснилось, что тесть его, живущий в Аргентине, – мафиозо и вообще бандит. На очередном заседании Парламента было решено его – отца невесты – на свадьбу не звать, но на крестины недавно рожденного ребенка, будущей королевы, дедушка таки прорвался... Нам бы их заботы – да, Танюша? Всё, позднее время – доброй ночи! Завтра продолжу.

Письмо шестое

С добрым утром, озабоченная моя, – помнится, мы именно на заботах прервали наше вчерашнее письмо. У голландцев забот – хоть отбавляй. Как тебе понравится демонстрация, охраняемая полицией (знать – официальная), где

темноватого вида люди гордо вышагивают с лозунгами «Вернуть Индонезию, прекратить террор!»? Я это видела собственными глазами, и возникла масса вопросов: кому именно вернуть Индонезию, у кого предварительно ее отобрать; чей террор необходимо прекратить, против кого – да и вообще... Забастовки в Нидерландах проходят часто и разные, но социальная за последнее время была лишь одна. Какая? Представь себе, что ты, наемная работница, проработала аж три месяца в некоей фирме. По истечении вышеуказанного срока являешься к работодателю: «Что-то я как-то напрягаться стала, чувствую себя не в своей тарелке». И работодатель, представь, отправляет тебя домой расслабляться сроком на год (с сохранением, заметь, зарплаты). Здесь, правда, возникают некоторые неудобства. Допустим, отправляешься ты через дорогу в паб (где же еще расслабиться?). А соседка-стерва, которой на сезонной распродаже не достались, в отличие от тебя, розовые туфли-лодочки (с розовой же сумкой) за двадцать девять евро девяносто девять центов, решает стукнуть на тебя в полицию: «Моя соседка расслабляется, пия пиво в пабе!» А кто не пьет?! Тем не менее тебя снимают с довольствия, рассудив, что ты уже достаточно расслабилась. И ты обуваешься в лодочки цвета мечты, всё нужное складываешь в сумочку того же мечтательно-го цвета и отправляешься на демонстрацию, пытаешься отстоять свои права. Но – фиг: поезд ушел. Уже приняли какой-то варварский закон, мешающий тебе расслабляться.

Остается лишь продолжать жить в напряжении, что, понятно, негуманно. А ты говоришь – Индонезия! Не до жиру...

Кстати, о жире. Похоже, о диете голландцы (как и соседи-бельгийцы) не заботятся решительно. Я, уже долго прожившая в Израиле, неоднократно посетившая цивилизованную Европу и разные прочие современные Москву со Львовом (рекомендую!), чуть не упала в обморок в брюссельском супермаркете. (В Брюссель меня занесло на денек. Знаменитый мальчик, якобы спасший город от пожара, исправно пишет, улицы пропахли свежим шоколадом, центральная площадь по красоте уступает разве что площади Святого Марка в Венеции.) Всё, что любое, самое большое воображение может нарисовать, имеется в наличии. Только плати – но стоит всё невероятно дорого. Ох уж эти евровведения! Да, отсутствует уверенность в завтрашнем дне у простых голландцев с бельгийцами, отсутствует!.. Остается призвать на помощь братьев меньших, но об этом – завтра. Прощаюсь до утра.

Письмо седьмое

Татуся, привет! Какой день сегодня – вторник? Именно во вторник, раз в неделю, жители Голландии выставляют во двор полиэтиленовые мешки с мусором. И тут наступает «время Ч» – по нашему, по-голландски – время чаек.

Ты сильна в психологии чаек? У нас в Израиле их навалом, но ведут они себя смирно, чинно пасясь над Средиземным морем. В Нидерландах же чайки напомнили мне эпиграф к любимому с детства произведению Стругацких «Понедельник начинается в субботу»: «Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве». Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях? Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба». Так вот, в ночь с понедельника на вторник голландские сумасшедшие чайки устраивают настоящий шабаш: то воют, как зверь, то плачут, как дитя; мяукают, лают – не спрашивай!... Чуют добычу, гады, легкую мусорную добычу – лишь бы не работать! Впрочем, кажется, я это уже говорила, правда – по другому поводу.

Там, в Голландии, всё – не как у людей, даже – водоплавающие птицы. Мои друзья живут в Гааге, в самом центре, на берегу пруда (на другом берегу – здание Парламента, бывший дворец). Поверх пруда – утки, кувшинки и современные скульптуры: две черные волосатые руки. И там, на пруду, живет гусиная семья. Ежевечерне чинно выходят на берег со своими отпрысками – двумя маленькими пушистыми гусятами. Поучиться бы у них чувству собственного достоинства! Одним словом – голландцы. И вновь – доброжелательное равнодушие: тебя в упор не видят, но фотографироваться на фоне себя, любимых, разрешают.

Я уже не говорю о местных кошках, спящих в окнах офисов, и собаках, ведущих на поводках хозяев...

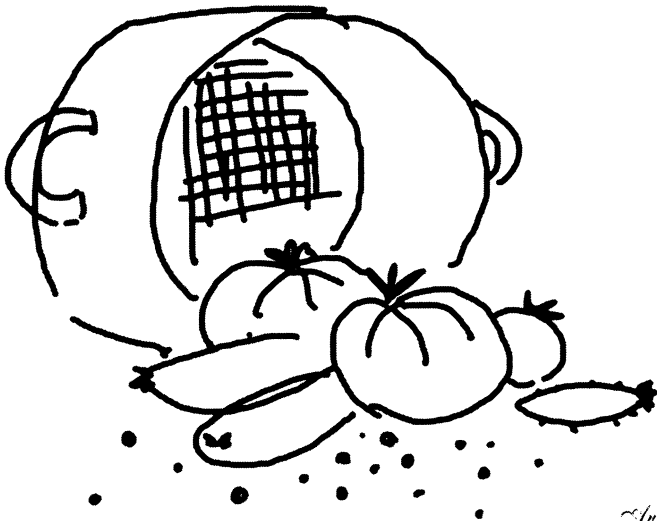
Танцующие домики Амстердама, «Ночной дозор», «Девушка с жемчужной серьгой», «Урок анатомии», «красные фонари», коровы, тюльпаны – всё это ты найдешь в Интернете. Я, собственно, закончила о Голландии – следующие письма будут про любовь. Доброй ночи, моя далекая, пусть тебе приснится голландский сыр!

P.S. Да, забыла. Помня, что Дима обожает израильские арбузы, я нарезала кусочки в пластиковое ведерко и решила взять с собой в самолет: не пропустят – так и будет. На таможне наплела что-то про свою редкую болезнь и арбузную диету – поверили. Ты бы видела, как скакал от радости посол, когда получил ведро с израильским арбузом!

И – еще о моей подруге Т. Самойловой. Написала ей, что приготовила на ужин гаспачо, она попросила рецепт. Я решила похулиганить под Бродского:

ПИСЬМА САМАРСКОМУ ДРУГУ

Нынче ветрено и волны. Не иначе
Разразится дождь в Израиле некстати!
Несмотря на это, шлю рецепт гаспачо
Я Самойловой Татьяне. Просто – Тате.

Anat Or Ziv ©

Перец тешит до известного предела.
Измельчи его, болезного (послаже.
Иль – «послаще»? Я еще не надоела?
Ведь рецепт писать под Бродского – суть лажа).

Дальше, Таня, кулинарка-мастерица,
Покроши-ка огурца, бренча гитарой...
(Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в Израиле. Или – под Самарой.)

Кипятком крутым обдай-ка помидоры
(Так с них кожица снимается быстрее).
Набирайся, друг, уменья у Лиоры –
Я от собственной значительности млею.

Чеснока с лучком, конечно, не забудем,
Соль – по вкусу, да и перцем всё заправим.
Дальше – семечки, коль скоро их добудем
(Жестких здесь не существует, Таня, правил).

Ты, конечно, друг самарский мой и ситный,
Скажешь с ходу, что израильский друг твой сбрендил:
Как же это измельчить всё? Через сито?
Хорошо, когда стоит на кухне блендер.

Долго мы ингредиенты собирали,
Но сияет наш гаспачо словно солнце...

А в Израиле – что? Июнь стоит в Израиле.
Дрозд стучит в давно разбитое оконце.

Пустяк, конечно. Мазочек.

КАНДИДАТСКИЙ МИНИМУМ

Тогда же, в командировке, я не только в Самаре выступала. Едем в Саратов. По дороге мне сообщают, что встреча – не там, где предполагалась, а в местном Доме ученых. Схожу с ума со страха (где – я, а где – ученые?). Приезжаю. Зал битком набит. Смотрят доброжелательно, улыбаются. И я процитировала рассказ Ираклия Андроникова «Первый раз на эстраде». Там Иван Иванович Соллертинский, талантливейший музыковед, театровед и теоретик балета, рассказывал юному Ираклию о некоем горе-лекторе. Был запланирован симфонический утренник для первоклашек, но по ошибке билеты попали в Академию наук. И лектор, не обладая способностью учесть специфику аудитории и перестроиться, рассказал академикам и членам-корреспондентам, что скрипочка – это ящичек, на котором натянуты кишочки, а по ним водят волосиками, и они пищат... Почтенные старцы стонали от смеха!

Аудитория оценила, дальше пошло как по маслу. А сзади сидела моложавая женщина с короткой стрижкой, которая буквально сверлила меня взглядом. В очень

интересном, кстати, вязаном костюме горчичного цвета. Начались вопросы-ответы, она и говорит: «Ваш отец когда-то меня спас. Я жила на Украине, собиралась поступать в аспирантуру, готовилась к сдаче кандидатского минимума. Экзамен по философии нужно было сдавать в Запорожье – тогда только там был профессор, возглавляющий экзаменационную комиссию (отец действительно какое-то время был единственным профессором философии на Украине. – П.К.). Приезжаю на экзамен. Отвечаю – меня явно валят. Видно, еврейская фамилия не понравилась. Прихожу в отчаянье: пахнет «неудом». Тут распахивается дверь – входит человек. Садится: «Что у вас? Первый вопрос. Отлично, переходите ко второму. Третий. Идите, «пять». Это был ваш отец».

К ВОПРОСУ О ТАЛАНТЕ

А я тоже когда-то писала диссертацию. Поехали мы с папой в Киев на всесоюзную конференцию. «Возьми, – говорит, – свидетельство о браке, иначе в один номер не поселят». Взяла. С вокзала мы отправились по каким-то отцовским делам, потом – в гости к моему научному руководителю, папиному приятелю, засиделись допоздна. Помню, поразили меня две вещи: джин с тоником, о котором я раньше лишь читала, да немисливо расписное заморское платье хозяйки. Да и вообще атмосфера была такая... буржуазная – с танцами, джазовыми записями... Такси поймать не смогли, остановили «скорую помощь», доехали до гостиницы. Поселили нас без проволочек, и уже в комнате я обнаружила, что прихватила, вместо свидетельства о браке, справку о восьмилетнем образовании. Даже – не аттестат зрелости. Справка, как и свидетельство о браке, была синенького цвета.

Наутро в буфете – очередь. Все по парам: солидные мужи и юные девушки. Все со всеми знакомы – ученые. И каждый к папе подходит: «Разрешите представить мою

аспирантку. А это – ваша?..» – «Это – моя дочь». И – недоуменные взгляды.

А диссертацию я так и не дописала. Тема была «Ленин о социальной сущности художественного таланта». Очень своевременная, кстати, тема. Но что-то я усомнилась в социальной сущности таланта. Художественного и всякого другого. Разве талант – не от Бога?

ИДЕТ МИЛИЦИОНЕР ПО ПАРКУ

К нам в Запорожье на встречу нового, 1980 года приехала московская подруга Жека. Собралась большая компания, часа в три, когда почти всё уже было выпито и многое съедено, Жека оживилась: «Ребят-ребят! Слушайте анекдот. Идет милиционер по парку...» – Никто, кроме моей снохи Иры, не слушал. Жека не унималась: «Так, меня слушает только Ира. Рассказываю анекдот тебе. Идет милиционер по парку...» – В это время Иру кто-то отвлек. «Так, меня не слушает даже Ира. Дорогая Жека, рассказываю анекдот себе. Идет милиционер по парку...» – В этот момент все почему-то замолчали и грохнули смехом. Жека обиделась: «Дураки вы все!» Мы извинялись, просили рассказать про милиционера – подруга не соглашалась.

Прошли годы, Жека уехала в Америку, мы – в Израиль. Приезжала в гости, мы просили открыть милицейскую тайну – она анекдот тупо забыла. А недавно к нам на ужин пришел Марик Галесник, наш друг и издатель юмористического журнала «Бесэдер?». «Ребята, слышали новый анекдот? Идет милиционер по парку...» – Мы дружно

полезли под стол... Марик, несколько озадаченный столь бурной реакцией, всё же рассказал историю, развязки которой мы ждали тридцать лет:

«Идет милиционер по парку. Слышит шорох в кустах. Подходит. «Совокупляетесь? Штраф 10 рублей. А, вас двое? Штраф 20 рублей».

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЕВОЧКИ!»

Мы с Наташкой – в профилактории для беременных, «сохраняемся». Натка – на сносях, у меня Белки еще даже не видно. Гуляем, дышим воздухом. Поле, красные маки, желтые лютики, белые парашютики одуванчиков, дорога. Стоим, болтаем. Я – лицом к дороге, она – спиной (со спины даже у нее ничего не видно). Обе – в спортивных костюмах. Она – в красном, я – в лимонном. Красиво... Останавливается черная «волга», выходят двое. «Лица кавказской национальности». «Девочки, скажите...» Натка поворачивается лицом, упирает руки в бока, выставляет живот. «А... У...» – Сели в машину и уехали.

«ШО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?» (продолжение)

Разнеслись слухи, что на нашем «беременном» этаже поселили мужика – проверяющего чего-то. Жарко. Сидим с Наткой в комнате вдвоем, едим арбуз. В трусах.

Nat Or Len ©

Я – в черных. Натка – в голубых с розовыми сердечками, над ними возвышается огромный живот. Арбуз спелый, красный, сахарный, но мы уже наелись. Наташка берет тарелку с оставшейся половиной, смешно семенит к входной двери, догоняя свой живот. В трусах. С сердечками. «Куда ты?» – «Шо ж человек один? Зайду, проведу. Скажу: «Здра-а-авствуйте! Шо вы делаете?..»

ОПЫТ ВРАНЬЯ 1

Родились наши с Наташкой девочки, Натка заболела. Настолько серьезно, что в больницу положили. Звонит оттуда, рыдает – мы были молоды... Мчусь в больницу – не пускают: карантин. Вламываюсь в кабинет заведующего отделением, достаю редакционную «корочку», на ходу сочиняю какую-то чушь. Мне, мол, дали срочное задание – взять интервью у Натальи Григорьевны Шевченко, лучшей общественницы НИИ «ГИПРОЭЛЕКТРО». Заведующий смотрит на меня задумчиво, протягивает белый халат: «Ну, пойдете». Входим в палату – у Натки глаза лезут на лоб. «Шевченко, к вам – корреспондент. Даю вам десять минут. Не буду мешать. Потом, – ко мне обращается, – зайдите, пожалуйста, в мой кабинет», – и выходит. Мы с Натусей торопливо обнимаемся, я в нее запихиваю что-то вкусненькое, целую и бегу к заведующему. Он для газеты рассказывает в мой диктофон об успехах своего отделения. Проводив меня, заведующий, как потом рассказала Наташка, зашел к ней и сказал: «Хорошая у вас, Шевченко, подруга».

Мне стало стыдно. Но материал я честно написала.

МАФИЯ БЕССМЕРТНА

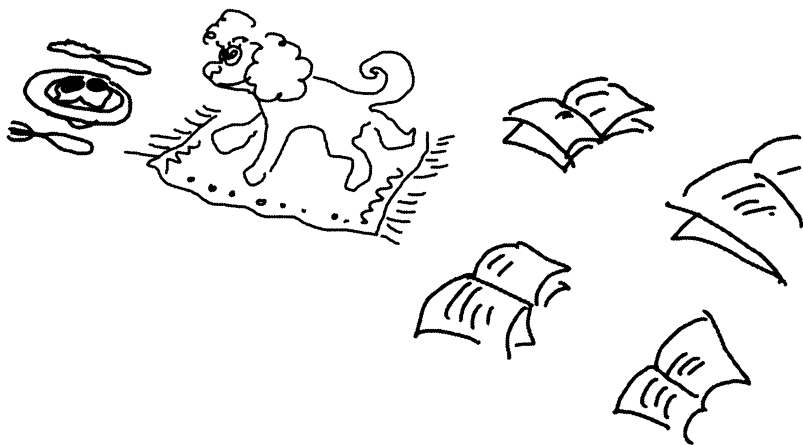
Запорожская подруга Лена собралась к нам в Израиль, на день рождения моего мужа: «Что ему подарить?» – «Не морочь себе голову, – говорю. – Всё у него есть. Сама приезжай – лучший подарок. Разве что попадется тебе фильм «Крёстный отец» – Саша его очень любит». Приезжает Лена, привозит шедевр Фрэнсиса Форда Coppola, рассказывает историю. Она, человек конкретный, получив задание, отправилась по магазинам. Нигде фильма не нашла. Уже перед отъездом заглянула в книжный – напротив своего дома. «А диски с фильмами у вас есть?» – «Торгуем только книгами. Случайно попали к нам три серии одного американского фильма. «Крёстный отец» называется. Будете брать?»

Взяла.

ОБСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ЭЛЕГАНТНОСТЬ?

Наш друг Миша – человек крайне обстоятельный. Как-то отдыхал в Турции, решил купить ковер. Прочел о коврах всё – шелковых, шерстяных; сколько узелков должно быть, как долго их ткут мастера... Привез нам в подарок шелковый расписной коврик и, конечно, лекцию прочел. А еще он решил завести собаку. Излишне говорить, что выбирали всем миром, а сам Миша, обложившись справочниками по кинологии, надолго потерялся в Интернете. Зато Сэмик его – писанный красавец. Золотистого цвета, глаза подведены, хвост кренделем. Молчит – чего по пустякам лаять? Своих признаёт, а чужих... Не завидую грабителям, столкнувшимся с японской собакой акита-ину.

У нашего общего приятеля родился сын, и Миша поволол меня выбирать подарок. Провели в магазине для новорожденных часа три, я наигралась вдоволь, после чего Миша, не сумев сделать выбор, скупил всё, что там было. А однажды, познакомившись в ресторане

Anat Or Len ©

с привлекательной блондинкой, он заказал меню. Всё. Полностью. Да, большие проблемы у нашего друга: трудно выбирать.

«Мне, – говорит, – надоело перечитывать твою книгу. Давай издадим еще». – «Зачем? Всё в Интернете можно прочесть». – «Слушай, я целый день торчу в Интернете. А перед сном хочется нормальную книгу почитать. Бумажную. Лёжа. Сведи меня с издателем». Свела. Издали две книги, Миша оплатил всё. Я обязалась продавать книги на встречах с читателями и радиослушателями и деньги Мише возвращать. А тут – мой день рождения. Является Мишаня с огромным букетом роз: белые, чайного цвета, бордовые, фиолетовые, даже черные.

Красота! «А подарок, – говорит, – такой: избавь меня, пожалуйста, от общих денежных дел с тобой. Тираж твой!» И как можно отказаться от подарка, преподнесенного столь элегантно?

КТО ВЯЖЕТ ВЕНИКИ?

Израильской группой летим в Витебск на «Славянский базар». Вообще-то летим в Минск, а уже оттуда нас везут в Витебск. Мне достается королевское место: рядом с водителем, везущим в гостиницу все чемоданы. Езды часа три, и водитель просит не спать, чтобы и его в сон не клонило. Едем, не спим. По сторонам – леса, леса, леса... Не страна, а какая-то бескрайняя лужайка! Беседуем. Слушаю грустный рассказ о невеселом житии простых белорусов. Мой новый знакомый не только баранку крутит, а и механиком подрабатывает. «А еще я веники вяжу. Для бани». Тут меня как током бьет. Из Витебска я отправляюсь в Запорожье, где меня уже ждет муж. А там живет наш большой друг Вова, которого сложно подарками удивить, но вот баню он любит. Выслушав лекцию о целебных свойствах различных веников, я спрашиваю, сможет ли водитель мне связать парочку. «Да конечно! У меня завтра как раз выходной! Пять – нормально? И денег никаких не нужно: так приятно беседуем». Соображаю: если на таможне не захотят пропускать, поделюсь, четырех

веников Вове хватит. Всё же сую деньги, а в придачу – маленькую бутылочку французского коньяка. V.S.O.P. Мужик счастлив, доезжаем до гостиницы, он заносит мои вещи, узнаёт у портье, какой номер за мной забронирован, уезжает, обещав найти меня через день-другой.

Конец истории: остался Вова без веников...

НОВЕВ КОВЧЕГ

До сих пор не знаю, как и почему выбрали именно меня, но позвонили из Киева («креативный менеджер Диана Дзюба») и попросили выставить кандидатуру израильского участника на Международный эстрадный фестиваль в Крыму. Я послала записи молодого талантливого певца Маркуса, и принимающая сторона выслала билеты нам обоим.

Бархатный сезон, Ялта, проживание в прекрасном гостиничном комплексе в Алупке, где живет моя любимая Натка! Сосны, кипарисы, дубы, море, вид с балкона на «Ласточкино гнездо» – и так две недели. Пугачева, Ротару, Леонтьев, Глория Гейнор, Демис Руссос... Соревнуются представители двадцати стран – Кения, Доминикана, Австралия, Тунис, Чили... Не говоря уже об Украине с Россией. На украинской вечеринке молодежь всех цветов в сорочках-вышиванках отплясывает гопак под «Ты ж мэнэ пидманула». Очаровательного юного китайца Чин-Чина привезла его мама, военный переводчик с китайского на русский и обратно. «Меня зовут

Таня» – «?!» – «Так вам, русским, проще запомнить». Начинаю приставать: «А ты змей ела? А тараканов? А саранчу?» – «Китайцы умеют смеяться над собой. Мы говорим, что едим всё, что стоит, кроме стола. Всё, что плавает, кроме подводной лодки. И всё, что летает, кроме самолета».

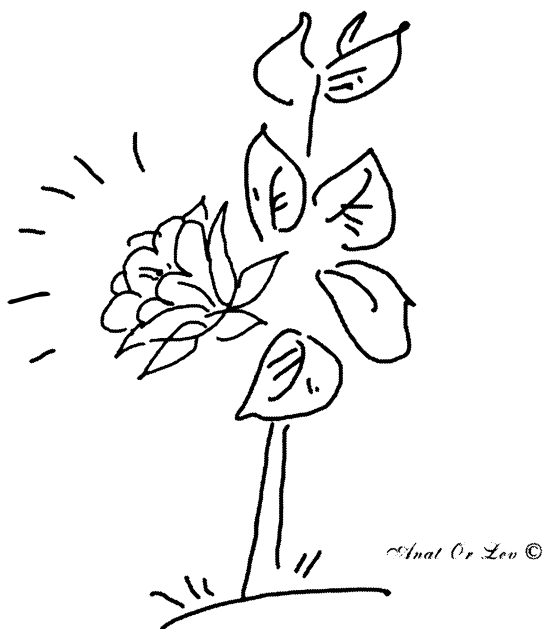
Гуляем по великолепному парку всей компанией. Мы, как водится, с «Таней», за нами – Маркус с кенийцами и чилийкой, тут же – австралийка, доминиканцы и американец. Возникает вопрос, как перевести слово.

Таня спрашивает у сына по-китайски, мы с Маркусом общаемся на иврите и русском; остальные – как могут. Так и не выяснили: как по-английски сказать «цивилизация»?

В СТРАНЕ МАГНОЛИЙ ПЛЕЩЕТ МОРЕ

Римас Туминас, художественный руководитель Театра имени Вахтангова, привез в Израиль свой нашумевший спектакль «Дядя Ваня». После многочисленных и надоевших антреприз (два актера из телесериалов и одна «звезда», в самолете лихорадочно зубрящая роль; три стула, стол и ширма на сцене) – настоящее театральное событие плюс Маковецкий в главной роли. Приглашаю Римаса в эфир. Приезжает в белом льняном пиджаке – это в тель-авивскую жару. Словом, иностранец. После эфира мне страстно захотелось в театр. Всего два спектакля – и оба в Иерусалиме. Еду. О спектакле – отдельный и особый разговор, впрочем, театральные критики уже описали всё за меня.

Выхожу из театра в прохладную иерусалимскую ночь. Впереди – группа подростков, вереща, фотографирует что-то своими мобильниками. Подхожу. Снимают дерево. В полной темноте. Ничего не понимаю.

Вдруг... Начинаю так же верещать и лихорадочно хватаю мобильник. На неказистом деревце – громадный белый цветок. Огромный, больше моей головы! А вон – еще один, еще, громадный бутон. Батюшки, да таких деревьев – целая аллея. Магнолии! К нам приближается пара солидных пожилых людей. «Смотрите, – ору на иврите, – не проходите мимо!» Улыбаются. «Да мы, деточка, – отвечают на иврите, – каждый вечер обязательно проходим мимо этой красоты. По всему видно: ты – не иерусалимская».

ВТОРОЙ РАЗ – В ВИДЕ ФАРСА?

Однажды, в конце шестидесятых прошлого столетия, мама в очередной раз поехала в командировку в Москву. Позвонила университетскому приятелю, которого назначили в столицу крупным юридическим чином. Тот обрадовался: «Галчонок, как кстати! Ты сегодня вечером не занята? Мне предстоит очень важная деловая встреча. Не хочется серьезных людей банально тащить в ресторан, тем более наше ведомство снимает для подобных случаев роскошные апартаменты в новой гостинице «Россия» (только что построенной. – П.К.). Жена, как на грех, расхворалась, а мне просто неприлично принимать гостей одному. Не согласишься стать на вечер хозяйкой бала?» Мама согласилась. Приятель проинструктировал. Ей ничего особенно делать не придется: продукты закуплены, стол накроют по первому разряду. Просто нужно явиться чуть раньше и проверить, всё ли в порядке. А тут и хозяин с гостями нагрянет, а дальше – просто поддерживать беседу.

Красивая молодая мама надела свое лучшее платье – коричневое с люрексом, писк моды; обула итальянские

Anat Or Len ©

лодочки, купленные на одесской толкучке, взяла такси и отправилась в «Россию». Посмотрела на роскошный стол, сервированный отменно, и спустилась в парикмахерскую. Там из ее длинных, цвета воронова крыла волос соорудили нечто грандиозное. Довольная мама вновь поднялась в номер и, имея в запасе целых полчаса, решила всё обследовать. В ванной комнате, сверкающей никелем и белоснежными полотенцами, рядом с унитазом обнаружила еще одно, похожее на него, сооружение с кнопочкой. Любопытная мама наклонилась к фаянсовому чуду и кнопочку нажала... Она вновь примчалась в парикмахерскую, старый мастер выпучил глаза: «Мадам, я так долго над вами трудился, чтобы вы всё это

великолепие смыли? Вы всегда после укладки голову можете?» – «Простите меня, пожалуйста! В том кишлаке, где я живу, не во всех квартирах есть биде. Я о них только в книжках читала...»

В начале второго десятилетия нынешнего века к нам приехали гости, и мы все вместе отправились на Голанские высоты. Сняли на одну ночь очаровательный домик – спальные места на всех, телевизоры, кухня, душ, джакузи. Целый день мы мотались по заповедникам и водопадам, наблюдали за парящими орлами, лакомились финиками. Пообедали, собрались в бассейн. Я забастовала: «Вы – в бассейн, я – в джакузи». Дом опустел, я набрала в ванну пенистой воды, погрузилась, нажала кнопку и в блаженстве закрыла глаза. Через минуту открыла... До самого возвращения моих я бегала с ведром и тряпкой. Последствия наводнения удалось ликвидировать почти полностью, но что подумали соседи, глядя на матрасы и простыни, которые сушились на заборе, я так и не узнала.

ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

В составе одной израильской делегации я оказалась в Стране Желтого Дьявола. Встречи, приемы, экскурсии, проживание в гостинице «Time» прямо напротив театра «Чикаго» (кстати, фильм намного ярче мюзикла: зрелищнее, Ричард Гир и вообще...).

В первый вечер обследую номер. Всё – как обычно, но мини-бар!.. Не мини он, а макси. Не счесть крошечных бутылочек с напитками. Нас предупредили, что пользоваться этой роскошью не стоит: уж слишком дорого, а если душа попросит – внизу магазин. Но ведь за осмотр платить не нужно. И я, провинциалка, давай эти скляночки вынимать-разглядывать.

А утром под дверью – счет, а в нем – около пяти тысяч их дурацких долларов. Нет чтобы обратить внимание на мелкие буковки на этом самом баре: тронутое считается выпитым... Спасло лишь то, что решительно все члены нашей делегации проявили подобное любопытство. Пришлось руководительнице группы объяснять администрации гостиницы, что в Израиле все

поголовно неграмотны, но любопытны. А ведь никто так ничего и не выпил. То есть выпил, конечно, но из магазина внизу. Спасибо гуманным американцам: на первый раз простили.

ЛЕНИН ВСЕГДА ЖИВОЙ?

Маму приняли в пионеры в день рождения Ленина. «Я шла, гордо распахнув пальто, мой красный галстук развевался на ветру, и, казалось, весь Киев только на меня и смотрит. И, конечно, гордится мной. Пришла домой, почему-то мне стало очень жарко и захотелось пить. На столе стоял стакан с водой. Я схватила его и залпом выпила

воду. Оказалось – водка. В этот день я заболела корью». Спрашиваю: «Мама! Ты заболела корью от водки?» – «Что ты, – отвечает, – водка безвредна. В тот день я просто заболела корью».

Много лет спустя отец, профессор философии, проводил в Запорожье международную конференцию по ленинской эстетике. Закрылась конференция банкетом у нас дома. Была потрясающая еда, изумительной красоты стол, по тарелкам с холодцом плавали какие-то лебеди из овощей и крутых яиц: на помощь маме пришла повариха шестого разряда. А в разгар веселья поднялся с рюмкой ленинградский профессор Моисей Каган: «Я хотел бы выпить за человека, без которого ничего бы не состоялось», – папа протянул к его рюмке свою. «Спасибо, Абрам Бенционович, но не вас я имел в виду. Хотелось бы выпить за человека, без которого не состоялся бы этот банкет». Мама скромно потупилась. Профессор поцеловал ей руку. «Спасибо, Галина Семеновна, но и не вас я имел в виду. Я поднимаю эту рюмку за Владимира Ильича Ленина, давшего тему нашей конференции!»

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

БАБА БЕЛЛА

О бабе Белле, просто Белле, маминой маме, – надо бы рассказывать не в прозе. Красавица из местечка Верблюжка, где «смешались в кучу кони, люди», а бабкина лучшая подруга, Манька Беленкивська, пела на клиросе, Белла окончила четырехкласную церковноприходскую (!) школу. Думаю, кстати, что в рассказах она несколько превысила степень своей образованности. При этом Белла вышла замуж за блестяще образованного Семена Златопольского, книгочея и ярого троцкиста. Мать Семена, баба Роза, Беллина свекровь, жила с невесткой, так и не ужившись с двумя сыновьями – до смерти моего деда сыновей было трое.

Мой юный дед Семен умер от скоротечной чахотки в 26 лет, когда его дочке, моей маме, было несколько месяцев. Умер своей смертью вовремя: вскоре его неминуемо расстреляли бы... Несколько слов о бабе Розе. Стерва, известная всему Киеву кулинарка, к которой христиане ходили за рецептами особо воздушных пасхальных куличей, она умерла, никому так и не открыв своих

гастрономических секретов; еврейка, говорившая по-украински, «имевшая в виду» всех и вся, по слухам – любовница батьки Махно. Мама рассказывает, что в 1937-м, когда бабу Беллу вышвырнули из партии и с работы, они приготовили чемоданчик со сменой белья, прабабка Роза жгла книги, а Белла умоляла: «Мамаша, может, хоть страницы с автографами оставим? Троцкий, Каменев, Зиновьев...» Роза оставляла стенания своей «непутевой» невестки (между прочим, профсоюзной начальницы республиканского Главвторчермета) без ответа. И жгла книги... Белла, которой спешить было уже некуда, проспала несколько суток, моя мама, которой было всего лишь восемь, помнит, как они с Розой ждали ночного звонка в дверь. И – дождались. Зашли двое в военном и несколько в штатском: «Можно от вас позвонить (у Беллы был телефон)? Такой-то из соседнего дома не открывает»... Моя бабушка почему-то уцелела.

Бабу Беллу я, пожалуй, любила больше всех на свете. Когда родилась моя дочь, ее потенциальное имя попросту не обсуждалось. Полугодовалую грудную Белку я вывезла на базу отдыха в Разумовке – туда, где баба Белла в течение многих лет пасла меня. Еще она возила меня и на реку Припять в Чернобыль. Там было солнечно, зелено, вольготно; я отравилась шелковицей. Мы постоянно ссорились с Костиком, внуком Беллиных родственников из Ленинграда, я – признаюсь! – была виновата всегда, и бабка постоянно меня проклинала. Звучали проклятия

так: «А шоб ты уже лопнула! Это же – не Чернобыль, а Ч е р н о г ы б е л ь какая-то!» Она не успела узнать, насколько пророческими оказались ее слова... И еще воспоминание: мне лет шесть, мы с бабой Беллой и ее подружками – старыми большевичками гуляем по Голосеевскому лесу. Золотая осень; на мне – венок из желтых и красных кленовых листьев. Навстречу нам идет интеллигентная – не чета Беллиной компании! – пожилая женщина. Останавливается, улыбается мне, маленькой кареглазой девочке, и говорит: «Запомни, деточка, эту фразу: «Природа тихо грустит своей последней красотой». Я запомнила.

А в Разумовке утро бабы Беллы начиналось всё с тех же незлых проклятий: накануне мои десяти-одиннадцатилетние рыцари Юрка, Димка и Валерка, не дождавшие меня, наказанную за какую-то серьезную провинность, шли, осиротевшие, на ночной промысел «по раки», честно делили добычу и оставляли у наших запертых дверей ведро, полное копошащихся членистоногих. «А шоб вы уже лопнули!» – ласково желала Белла и обреченно варила раков: всю базу отдыха надо накормить, все – друзья... Мне – лет пятнадцать, возвращаюсь с надувным матрасом с пляжа – на веранде накрыт стол, чекушка водки (и где бабка только выкопала бутылку?), закуска, две рюмки. Белла сидит, горько подперев рукой подбородок, напротив – незнакомый пьяный мужик льет слезы. На цыпочках, стараясь не помешать интиму, прохожу в комнату, переодеваю купальник. Гость прощается, выхожу: «Белла,

кто это был?» – «Ванечка, электрик: ты же знаешь, что у нас света не было». – «Он – твой знакомый?» – Скромно потупившись: «Познакомились». – «И чего ты с ним сидела?» – «Шо значит? От него Любочка ушла, надо же было утешить человека, объяснить, что всё наладится...» С утра Белла, примарафетившись, отправлялась на базарчик. Заставала скандал: «Почему вы мне не хотите продать огурцы?» – «Пока Белла Израивна не разрешит – не продам». Белла царственным жестом дает торговке

отмашку: «Отпустите товар!» Ранним утром стук в дверь. Я, проклиная всё на свете, вылезаю из кровати, выхожу. Стоит незнакомая бабка с корзинкой: «Мы с Беллой Израивной договорЯлись, что я помидоры принесу». – «Спасибо, сейчас я вам дам денег». – «Мы договорЯлись про помидоры, а про деньги мы не договорЯлись».

Киев, 8 Марта, Беллины две комнаты в коммуналке, я, лет семи, сижу на диванчике под ковриком, греюсь (с обратной стороны – печка-груба). Белла возмущается: почему Абраша (один из многочисленных и многолетних поклонников, а замуж после смерти деда она так и не вышла) не поздравил ее с женским днем. Накидывает на мембрану телефонной трубки носовой платок, набирает номер, меняет голос: «Можно попросить Абрама Давидовича? Это вы? Очень приятно! Поздравляю вас с Международным женским днем». – «Простите, не узнаю. Но почему вы поздравляете меня, мужчину?» – «Потому что вы такая же б...дь, как все женщины». – «Кто говорит?!» – «Все говорят!» – и невозмутимо кладет трубку. Назавтра он, заведующий продуктовым магазином, семейный человек, уже имеющий внуков, всю жизнь безрезультатно добивавшийся благосклонности моей неприступной Беллы, примчится к ней с кучей куриных яиц. Зная ее щепетильность, назовет символическую цену. Она, немедленно обзвонив соседок («Есть дешевые яйца, приходите!»), в итоге обязательно заявит: «Абраша, сегодня у тебя грязные яйца!»

Когда у Беллы обнаружили метастазы, она находилась не в своем Киеве, а у нас, в Запорожье. В основном лежала, я подсовывала ей какие-то книги, с помощью которых она наконец открывала для себя неведомые миры (раньше просто времени не было). Все знали ее любимые присказки: «Как же ж таки так?» и «Шо значит?» Прихожу из института, Белла лежит злая, рядом – закрытая книга. «Граф Монте-Кристо». «Белла, чего ты не в настроении?» – «А как же мне быть в настроении? Приходит домой барон Данглар, а его дочь Эжени – наедине с графом Кавальканти. Он и спрашивает жену: «Баронесса, как же ж таки так? Шо значит?» Белла умерла в страшных муках: наркотики боль уже не снимали...

Итак, я впервые привезла грудную Белку в Разумовку. Все торговки, простые сельские бабки, на базарчике рыдали навзрыд: «По бабушке назвала – тебе на небесах запишется». Я не встречала в жизни более прекрасного, мудрого, остроумного и озорного человека, чем моя бабушка Белла. Собственно, просто Белла – так называли ее все не только мамы, Сенины, но и мои друзья...

Мне часто представляется картинка: красавица Белла, почему-то в белой панамке, на скамеечке в тель-авивском скверике царит в окружении множества только что приобретенных друзей и небрежно-гордо произносит: «Лиора Ган? Шо значит? Это ж моя внучка. Чего я с ней только не натерпелась – шоб она уже лопнула!»

«ГОСПОДИ ИСУСЕ-ХРИСТЕСЕЧКИ!»

Она пришла к нам, думаю, сразу же после моего рождения – безграмотная русская женщина без паспорта, сбежавшая из голодного колхоза. Тогда ведь колхозники, по сути, были крепостными – Хрущев, кажется, потом вернул им документы.

Ни семьи, ни детей – одна. Тетя Лида, Лидия Федоровна Бубнова. Кто-то порекомендовал маме, много и тяжело работавшей, приличную няньку для ребенка. Мама рассказывала: Лида, впервые попав в дом, прошла по нему с инспекцией: подходила к кроватям, отворачивала углы покрывал, что-то искала. «Что вы ищете, Лидия Федоровна?» – «Клопов». – «?» – «Так вы ж, Семеновна, говорят, – евреи. А у евреев клопы водятся!»

(Еще – о клопах. Было мне года три, а ребенком я росла, надо сказать, пытливым. Спрашиваю у мамы, кто такие клопы. Объясняет: «Маленькие жучки, которые сосут человеческую кровь». – «Боюсь!» – «Не бойся: они заводятся от грязи, а у нас чисто». Выхожу во двор – играть не с кем. Замечаю мужчину из соседнего подъезда,

который вытряхивает содержимое пылесосного мешка в урну. Подхожу. «Здравствуйте, как вас зовут? А фамилия? А жену как зовут? А какая у нее девичья фамилия?» Первая волна любопытства удовлетворена. Идем дальше. «А что вы делаете?» – «Пыль из пылесоса вытряхиваю». – «А вы что, пылесосом пыль собираете?» – «Ну да. А вы?» – «Мы собираем клопов. Когда мешок наполняется, мама вытряхивает его во дворе, и клопы заползают в квартиры соседей!» Бедная моя мама...)

Но вернемся к Лиде. Она спала со мной в одной комнате. Была глуховата, но, стоило ребенку перевернуться во сне, мгновенно вскакивала. Мы очень любили друг друга. Ходили гулять «у тот двор до кумы», покупали газированную воду «у кивосочке» (в киоске). Как-то мама попросила меня принести стакан воды, я принесла и перекрестила маму со словами «Господи Иисусе-Христесечки!». А однажды – лет пяти – я заболела и загремела в инфекционное отделение детской больницы с подозрением на дизентерию. На другой день мама в свой перерыв помчалась меня проводить, Лида, понятно, увязалась за ней. Ничего серьезного у меня не нашли: банально отравилась. Мама пошла говорить о выписке с лечащим врачом, а нам с нянькой разрешила подышать воздухом. И тут тетя Лида сгребла меня в охапку («Скорее! За нами гонится Бабай!») перебросила через больничный забор, перелезла сама. Мы прибежали домой, заперли входную дверь на все замки, на цепочку – «Бабай гонится!» – и притаились.

Мама, услышав от врача, что завтра меня выпишут, не обнаружила нас во дворе. Решила, что Лида отвела меня в палату, и поспешила вернуться в свою юридическую консультацию. Заведующий встретил ее не очень приветливо: «Галина Семеновна, что вы себе позволяете? Только что мне звонил главврач детской больницы и рассказал, что вы с помощью домработницы украли больного ребенка. Хотите неприятностей?» Мама объяснила, что к похищению непричастна. Тогда заведующий отправил ее домой – наводить порядок.

Понятно, ключом мама дверь открыть не смогла: мешала цепочка. Стала звонить. «Хто там?» – «Лидия Федоровна, откройте!» – «Ни в жисть! Я ребенка не отдам. Сварила ей бульончик, купила свежий кефирчик – всё у нас с Куронькой-Чебатуронькой у порядке». – «Лида! Пустите меня хоть душ принять, переодеться!» – «Не пушу. Идите до Ритульки, там мойтесь-переодевайтесь – у ней такая ж задница, как у вас. Хозяин всё равно в командировке, так мы уж с Куронькой вдвоем переночуем». И не пустила.

А однажды мама возвращается с работы – Лида лежит, на лбу полотенце. «Что с вами?» – «Ой, Семеновна, меня тоска офатила!» Что ж, человек тоской «офачен» – бывает. Мама робко спрашивает: «А обед есть?» – «Я шпроты открыла (невероятный дефицит по тем временам. – П.К.), мы с Куронькой поели, а вам шпротяно масло оставили. Повмачайте хлебушко – вот вам и обед».

Прошли годы, тетя Лида засобиравалась замуж: «Ой, Чебатуронька, на кого ж я тебя меняю? На чужого дядьку Петьку! Ой, Куронька, на кого ж я тебя покидаю?!»

Я выросла, уже училась в институте, в няньках нуждаться перестала. неизменно навещала тетю Лиду – она работала дворником в техникуме и жила в общежитии. Всякий раз, равнодушно скользнув по лицу взрослой девахи, Лида выкладывала передо мной мои же детские снимки и бесконечно, гордясь, рассказывала о маленькой Куроньке. Взрослая Курица ее совершенно не интересовала.

ЛАРИСКА И МОРСКИЕ ГАДЫ

(гастрономическое хулиганство)

У Лариски – длинные узкие ступни, а на шее пульсирует голубая жилка. Она вообще очень классная – моя девочка, на которой я, скотина, всё никак не соберусь жениться. Более того, вместо долгожданного предложения руки и сердца я таскаю любимую по сомнительным питейным и шуарменным заведениям, в изобилии имеющимся в районе тель-авивского плебса – Шхунат ха-Тиква. Лариска безропотно и покорно сопровождает меня в моих загулах в народ, хоть сама, знаю, втайне вздыхает по морским гадам, на которых я без омерзения и смотреть-то не могу. Судите сами, какой омар может сравниться с нормально приготовленным – с кровью! – куском натурального мяса? Но женщины устроены как-то не так: вынь да положь им живую устрицу (которая, если капнуть на нее уксус или лимонный сок, как рассказывал мой дед, проживший в Бельгии, питтит. Она, значит, питтит, а ты ее в это самое время ешь. Да еще и изображаешь удовольствие). Я долго пытался понять: откуда у Лариски,

родившейся и выросшей под Тулой, столь упорная тяга к улиткам, крабам и прочим осьминогам? Однажды, изрядно подпивши своего любимого джина с тоником (тоже, заметьте, изыск), моя девочка «раскололась». Оказалось, ее еще детское воображение невероятно потряс эпизод из старого американского фильма «Смешная девчонка». Там влюбленные Барбра Стрейзанд и Омар Шариф сидят в ресторанчике на океанском побережье, расправляются с гигантским омаром (не Шарифом), и Омар (Шариф) произносит: «Я – первый мужчина, который научил тебя есть омаров». Героиня Барбры отвечает: «И еще кое-чему!» – смелая, согласитесь, по советским временам заокеанская реплика. С тех пор Лариска прочла о дарах моря всю доступную литературу и полюбила их всем своим горячим сердцем.

О, радость: перед праздником родная редакция наградила журналистов ужином на двоих в ресторане (по выбору). Достая из шкафа пиджак, который последний раз надевал, кажется, лет пять назад, когда по заданию редакции ездил в Кнессет (в ту пору я еще не знал, что в святая святых пускают и без пиджаков. Старый анекдот: «Приходит Рабинович в Кнессет в шортах и майке. Не пускают. Он объясняет, что получил на подобный дресс-код разрешение английской королевы. Явился в таком же виде в Парламент, и королева сказала: «Рабинович, в таком виде ходите в свой Кнессет». Ха-ха»), и терпеливо жду, пока моя любимая начистит перышки. Наконец

она, ослепительно хорошенькая, является пред мои ясные очи, и мы направляемся в тель-авивский ресторан, который специализируется именно на морских деликатесах.

Нас встречает жена владельца ресторана. Неля приехала из Харькова, вышла замуж за уроженца Израиля полуиракского-полумарокканского происхождения, открыли ресторан. Девушка стильная, несколько изможденная, даже изломанная – «серебряный век» да и только! Лариска собралась было заказать крабов, но Неля воспротивилась: «Для крабов – не сезон. И потом – это банально. Не возражаете, если составлю вам меню по моему собственному вкусу?» Мы не возражали. Правда, когда принесли американское белое полусухое, я пожалел, что не заказал мужской напиток, но процесс, как говорится, пошел.

Ужин начался с блюда под название «тартар-туна» – сырой тунец. Оказывается, такое готовят далеко не из каждой рыбы: кроме красного тунца годится разве что локус. Для блюда выбирается лучшая часть рыбы: живот. У Лариски тоже животик нежный... впрочем, я отвлекся. Честно скажу, это вкусно. Едим, а в мою голову лезут крамольные мысли: неплохо бы Лариске не каждый день травить меня опостылевшей яичницей. Почему бы девушке хоть изредка не побаловать своего любимого «тартар-туной»? Но нам уже несут креветки. Эти «Шримс темпура» незаметно проскальзывают в желудок, даже запивать не нужно. Но как не запивать, если официант откупоривает

уже вторую бутылку вина, названия которого запомнить я так и не удосужился?

Далее мы приступаем к дегустации моллюсков по имени «кукки-санжак», известных также как «скалопс» (они оказались банальными морскими гребешками, так любимыми «новыми русскими»). У Лариски от удовольствия глаза туманятся и меняют свой обыкновенно серый цвет на изумрудный. Наконец моя девочка отвалилась от тарелки, затянувшись своей тонкой коричневой сигареткой.

Но – рано. Нам принесли громадную порцию улиток-мидий-креветок-крабов-устриц на льду, глаза Лариски поглубели, она, вооружившись специальными

приспособлениями, напоминающими пыточные инструменты, приступила к делу, а я огляделся по сторонам. С виду – адвокаты, банковские служащие, много русских – местных и туристов. Надо же... Такое впечатление, что мы в своих Мытищах, Мелитополе, Черновцах и даже Москве только и занимались тем, что питались морепродуктами. Да еще и привычно осведомлялись – бельгийские ли сегодня мидии или, страшно предположить, – тайландские? Не на графских ли постелях, на которых зачали нас родители, постигали мы премудрости расчленения омара с помощью специальных щипцов (наши прадеды похожими расправлялись с сахарными головами, деды – кололи орехи, а нам осталось лишь во время самодельного ремонта выдирать ими гвозди из стен)? Моя Лариска – та вообще претензии предъявляет: «Почему нет специальных булавок для улиток?» Неля разводит руками: «В Израиле их не достать. Поеду во Францию – привезу». Ай да мы! Считаю, адаптировались: повязали галстуки – и ну поглощать дары моря! Выросли ребятки... Впрочем, по мне – нет ничего лучше нормально приготовленного – с кровью! – куска натурального мяса... Но пора и мне уделить внимание морским гадам на льду: Лариска расправляется с ними с угрожающей быстротой. Я попробовал. Да, пожалуй, французы – не дураки: такие «ледяные» блюда очень популярны в Париже. Наконец моя девочка наелась, и ее глаза – на сей раз цвета морской волны – приобрели мечтательный блеск. О чем мечтать? Может

быть, о нормальном куске натурального мяса? Да, теперь я долго буду с полным правом таскать любимую по сомнительным питейным и шуарменным заведениям, в изобилии имеющимся в Шхунат ха-Тиква. Судите сами, какой омар может сравниться с нормально приготовленным – с кровью! – куском натурального мяса?

P.S. Этот рассказ под псевдонимом «О. Задунайский» я послала в газету, в которой тогда работала. Напечатали. Редактор спрашивает: «Случайно не знаешь, кто такой Задунайский? Довольно лихо пишет. О. – это Олег?» – «Остап, – отвечаю. – Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей. Задунайский».

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Шашлыки уже съели, спиртное выпили до капли, а разъезжаться не хотелось. Все мы, как по команде, вдруг притихли и уставились на Средиземное море, в которое погружалось красное зимнее солнце. Сашка Столов повернулся ко мне с видом заговорщика: «Ты слышала о зеленом луче? Если смотреть сейчас на солнце пристально, не мигая, и не прозевать тот самый момент, когда оно окончательно скроется, – можно, если повезет, увидеть зеленый луч». И тут я вспомнила, что когда-то в детстве уже слышала о зеленом луче...

Мне было лет пять, а брату – одиннадцать, когда мужественная мама, решив оздоровить детей, повезла нас в Сочи. В первый же солнечный день брат Сенька, вообразив себя, видимо, каким-то кинематографическим суперменом, решил пробежаться по довольно высокому парапету и, разумеется, свалился в палисадник. Всё бы ничего, но внизу росли розы со специально выращенными для этого случая шипами... К счастью, поблизости оказалась аптека, а в аптеке – зеленка, весь запас которой

был израсходован на измордованного, но счастливого героя. К вечеру вдобавок выяснилось, что сочинская жара весьма коварна: мы с Сеней дружно чихали и кашляли без перерыва... Думаю, что мама, которая металась между нами с термометром, горчичниками, аспирином, впрочем, абсолютно бесполезными в борьбе с банальной простудой, не сочла тот свой злосчастный отпуск самым удачным в жизни...

Через несколько дней жизнь стала налаживаться. Наши с братом носы, хоть и облупились от загара, но дышали свободно; из теплого моря мама долго не выгоняла на берег; всюду величественно возвышались кипарисы, терпко пахли магнолии... Сенька шнырял с утра до вечера с мальчишками, каждый из которых мне казался прекрасным принцем. Меня «принцы», однако, совершенно не праздновали, а, наоборот, дразнили и больно дергали за косы. От маминого «поиграй с ребенком» мой брат, мой кумир, постоянно увиливал, и мне оставалось довольствоваться маминым обществом. Это, кстати, было совсем неплохо: здесь, в Сочи, маме, слава богу, не нужно было бежать на работу ни в какую юридическую консультацию...

Как-то вечером, когда уже ощущалась прохлада, мы с мамой, устав ждать Сеньку, пошли в парк. Сидели, смотрели на море, в которое садилось красное солнце, мама говорила, что завтра, наверное, будет ветер – потому солнце и красное... По соседству расположилась веселая компания – несколько мужчин и две женщины. Они

что-то оживленно обсуждали на неизвестном мне языке («на грузинском» – объяснила мама); смеялись, потом красиво запели грустную мелодию. И тут один из них поднялся и, чуть заметно прихрамывая, направился к нам. Невысокого роста, седой, с тонкими чертами лица, лет, думаю, пятидесяти с небольшим, он небожно дернул меня за косицу и обратился к маме: «Давно за вашей девочкой наблюдаю – такая непосредственная. Жаль, нам с женой Бог детей не дал». Стал про Грузию рассказывать, спросил разрешения посидеть с нами – мы разрешили. Представился: Вано Джурбинадзе, главный архитектор Тбилиси. Я тут же важно сообщила: если на закате солнце красное – завтра будет ветер. Тут-то Вано и сказал мне: «Попробуй сейчас пристально, не мигая, смотреть на солнце. В момент, когда оно полностью скроется в море, можно увидеть зеленый луч». Я мгновенно уставилась в одну точку, изо всех сил стараясь не мигать, а также, будучи ребенком не только непосредственным, но и любопытным до крайности, не пропустить из разговора взрослых ни словечка...

Сначала не было ничего интересного: Вано спрашивал, откуда мы приехали, и задавал другие не менее скучные вопросы. Услышав, что мама адвокат, он произнес: «В таком случае, думаю, вас заинтересует история, которую расскажу». И хоть поняла я из рассказа далеко не всё, слушать было так интересно, что я забыла про зеленый луч...

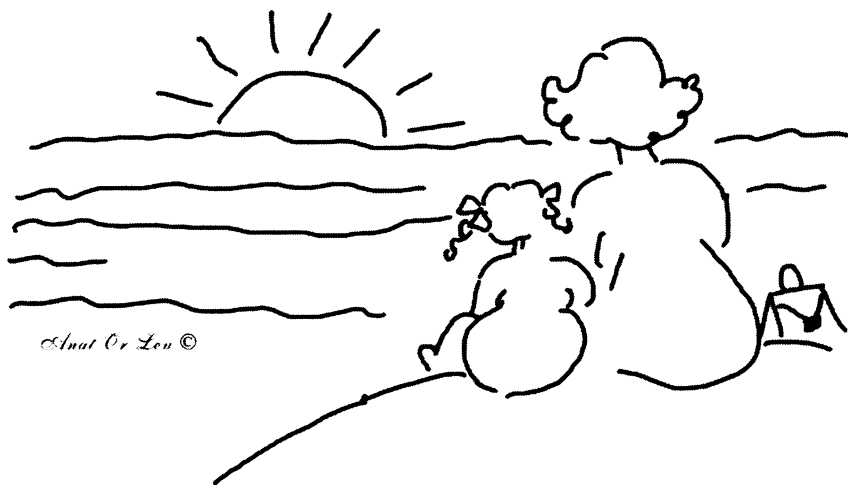
В детстве Ваню очень любил рисовать. Собственно, рисовать любят все дети, но его увлечение задержалось на всю жизнь. Ваню поступил в Тбилисскую художественную академию, подавал большие надежды, стал любимым учеником прославленного Моисея Тоидзе. Особенно мэтр хвалил Джурбинадзе за картину «Грузинская ярмарка». Там было изображено много людей, но лицо каждого из них отражало индивидуальный характер, особый внутренний мир... Ваню уже заканчивал академию, когда Тоидзе попросил принести картину, желая продемонстрировать ее студентам-первокурсникам. Молодой художник смущенно ответил, что принести картину не может: подарил близкому другу, которому она очень нравилась. Тоидзе возмутился: «Как вы могли расстаться с оригиналом? Для этого существует литография», – после чего обучил Ваню искусству тиражирования, а в придачу подарил невероятно ценные итальянские краски, с помощью которых можно было творить настоящие чудеса.

Джурбинадзе окончил академию, много работал, картины пользовались успехом, хорошо продавались. Однажды он всё теми же итальянскими красками нарисовал портрет Ленина – и сам поразился, насколько профиль вождя напоминал профиль, запечатленный на советских деньгах. Тогда Ваню – просто для смеха! – нарисовал купюру и сравнил ее с настоящей. Отличить было невозможно. Джурбинадзе пошел в магазин, попробовал расплатиться за покупку своими «кровными» деньгами – и получил

сдачу... Тут-то он и смекнул, что в умелых руках итальянские краски могут действительно творить настоящие чудеса. Рассудив, что в одиночку ему не справиться, Джурбинадзе познакомился с кассиром, отвечавшим в банке за неприкосновенный денежный фонд. Ваню долго обхаживал нового знакомого, и наступил момент, когда они ударили по рукам. Художник штамповал купюры достоинством в сто и пятьдесят рублей, кассир подменял ими настоящие – и ребята зажили безбедно и весело. В Тбилиси тем временем началась инфляция: деньги наводнили город...

Всему приходит конец, чудодейственным итальянским краскам – в том числе. Ваню перешел на отечественные. Купил самые лучшие, дорогие; нарисовал две купюры – и мгновенно забраковал их. Но порвать и выбросить не успел: кто-то позвонил в дверь, хозяин дома поспешно схватил первый попавший под руку журнал, вложил в него бумажки, журнал поставил на полку, пошел встречать гостя, а об опытах своих, конечно, забыл... Началась Великая Отечественная война, Джурбинадзе призвали в армию, из Тбилиси он уехал. Жена его осталась одна, но ее еженедельно навещал любимый племянник, служивший в Тбилисском УИТЛК (Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний), подразделении НКВД. По воскресеньям парень получал отпуск и имел возможность приходить к тетке на обед, что с удовольствием и делал.

...Несколько лет назад мы с мужем и дочкой, а также с семьей брата (того самого, пострадавшего в Сочи от розовых шипов) ездили в Париж. С погодой повезло не очень, мы уже отвыкли от нулевой температуры, но последний день был настоящим подарком. Пешком, не спеша, мы двинулись по всем ступенькам на Монмартр... Я столько о нем читала и слышала, но – тут, своими глазами... Впрочем, о Париже – разговор отдельный. А там, на Монмартре, сидел старый художник – седой человек с тонкими чертами лица. Я остановилась у его работ. Запомнилась одна: Лувр, толпа людей, но лицо каждого – индивидуально. И все французы почему-то очень восточного типа. «Грузинская ярмарка»?

Я попыталась заговорить с художником по-русски – он меня не понял...

А совсем недавно, пробегая по израильскому «Монмартру», улице Нахалат-Биньямин в Тель-Авиве, я остановилась, очарованная атмосферой художественной выставки. Пройдя по ряду, задержалась у работ седовласого старика. Одна из них особенно привлекла мое внимание: скопище людей на площади Рабина, и как переданы характеры! Оглянувшись на художника, я вздрогнула: тонкие, грузинские черты лица... Совпадение, игра воображения или «Грузинская ярмарка»?

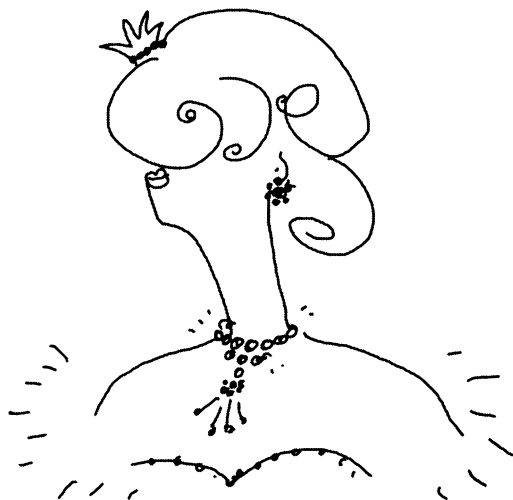
...Вы никогда не пробовали во время заката пристально, не мигая, следить за тем, как солнце погружается в море? Говорят, в момент, когда светило совсем исчезает, можно увидеть зеленый луч. Попробуйте – может, вам повезет. Мне, честно признаться, пока зеленый луч увидеть не посчастливилось...

ЭПИЛОГ

НЕ СЧЕСТЬ АЛМАЗОВ...

Андрей Дементьев отмечал в Израиле очередной юбилей. Мы в ресторан пришли поздновато, и места нам достались в конце стола – напротив юбиляра. Он восседал во главе, молодой, красивый, элегантный – как обычно. Ошую – жена Аня, одесную – очень красивая, неизвестная мне женщина. Лицо – камей, хоть в кино снимай (она, как оказалось, и пробовалась на роль мадам Бовари у Сокурова. Но обнаружила, что беременна, и кинокарьера не состоялась). Темно-синее панбархатное платье с глубоким декольте, чудная молочная кожа прямо светится. Но – украшения!.. Громадные серьги-стекляшки, на пальцах – тоже стекляшки, на шее – что-то безумно громоздкое под жемчуг... А лицо, повторяю, замечательное, на него хочется смотреть не переставая.

Напитки были отменными. После третьей я отправилась знакомиться. Тоже Аня (поэт себя Аннами окружил). Выпили на брудершафт. Говорю: «Ты невероятная красавица! Но можно дать тебе совет?» – Разрешает. – «Носить

Anat Or Len ©

такие побрякушки – дурной тон. Особенно – тебе с твоей внешностью». Невозмутимо отвечает: «А это всё настоящее», – я чуть не падаю со стула. Даже представить себе не могла, что ТАКОЕ бывает не только в музеях. Оказалось, бывает: Анюта – владелица антикварного ювелирного магазина. Осторожно давайте советы, дамы и господа!

Заключительный аккорд – из Сергея Михалкова:

**И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколол,
Хотя он плохо вышел.**

Литературно-художественное издание

Полина Капшеева

МОЁ ЗАЭФИРЬЕ

Зарисовки, наблюдения, новеллы

Дизайн обложки и иллюстрации *Анат Ор Лев*

Фото на обложке *Нусан Канас*

Технический редактор *Олег Пуля*

Дизайн и вёрстка *Елена Сашина*

Редактор-корректор *Олег Пуля*

Издательский Дом СТМЭГИ

Подписано в печать 29.02.2016. Формат 70×108 1/32

Гарнитура OfficinaSerifC. Печать офсетная. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 999 экз. Заказ № 246К

Отпечатано с готовых файлов заказчика

Типография «Наука»

г. Москва, Шубинский переулок, дом 6

Тел.: +7 (499) 241-93-02, +7 (495) 780-33-64

E-mail: tolpegina@tnauka.ru

tnauka.ru

